

РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ

А.Г. ЗВЕРЕВ

СТАЛИН И ДЕНЬГИ

Рядом со Сталиным

Арсений Зверев
Сталин и деньги

«Алгоритм»

2012

Зверев А. Г.

Сталин и деньги / А. Г. Зверев — «Алгоритм», 2012 — (Рядом со Сталиным)

Арсений Григорьевич Зверев был одним из ближайших соратников И.В. Сталина в 1930-е – начале 1950-х гг. Он занимал пост наркома, а затем министра финансов СССР, проводил в стране знаменитую денежную, «сталинскую» реформу, многое сделал для развития хозяйства Советского Союза. В своей книге А.Г. Зверев рассказывает о встречах со Сталиным, о том, как решались важнейшие вопросы по управлению финансами страны. По мнению автора, И.В. Сталин прекрасно разбирался в финансовых проблемах и проводил высокоэффективную экономическую политику, что доказывается на многочисленных примерах.

© Зверев А. Г., 2012

© Алгоритм, 2012

Содержание

Предисловие	6
Фабричное воспитание	8
Дорога в партию	10
«Республика путь нам укажет»	14
Как мы агитировали	16
Хлебный фронт	19
Рубль на московском фоне	23
Нэпманские зигзаги	28
Ресурсы для построения социализма	35
Борьба за колхозы	38
Партчистка	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

А. Г. Зверев

Сталин и деньги

© Зверев А. Г., наследники, 2012

© ООО «Алгоритм», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Автор этой книги Арсений Григорьевич Зверев прошел путь от текстильщика Высоковской мануфактуры до государственного деятеля социалистической державы, видного теоретика и крупного практика-экономиста, свыше двух десятков лет (с 1937 по 1960 г.) возглавлявшего наркомат (а затем министерство) финансов СССР.

Это время пришлось на годы созидания социализма, Великую Отечественную войну, затем восстановление народного хозяйства и ликвидацию ущерба, причиненного нашей стране гитлеровской Германией.

Особенно трудно пришлось А. Г. Звереву в начальный период Великой Отечественной войны. Следовало изыскать и немедленно мобилизовать колоссальные фонды для нужд обороны. Под руководством Зверева финансовая система была быстро и четко перестроена на военный лад, и на всем протяжении войны фронт и тыл бесперебойно обеспечивались денежными и материальными ресурсами.

После войны, по указанию И. В. Сталина, Зверев разработал проект финансовой реформы и осуществил ее в кратчайшие сроки, что позволило СССР, первому из стран – участников Второй мировой войны, отказаться от карточной системы распределения продуктов и товаров для населения, а потом постоянно снижать цены на них. Так продолжалось вплоть до смерти Сталина, после чего многие достижения предшествующего периода были утрачены; вскоре был отправлен на пенсию и А. Г. Зверев.

Обстоятельства его ухода до сих пор окутаны тайной. Известный писатель и публицист Ю. И. Мухин считает, что причиной отставки явилось несогласие А. Г. Зверева с финансовой политикой Хрущева, в частности с денежной реформой 1961 г.

Мухин пишет об этом так: «В 1961 г. произошел первый подъем цен. Накануне, в 1960 г., был отправлен на пенсию министр финансов А. Г. Зверев. Прошли слухи, что он пытался застрелить Хрущева, а такие слухи убеждают, что уход Зверева не обошелся без конфликта.

Возможно, в основе этого конфликта была денежная реформа 1961 г., а как мы помним по реформе 1947 г., такие мероприятия начинают готовиться примерно за год до их проведения. Хрущев, видимо, не мог решиться открыто поднять цены в условиях, когда народ явственно помнил, что при уже заплеванном Хрущевым Сталине цены не поднимались, а ежегодно снижались. Официально целью реформы было объявлено спасение копейки, дескать, на копейку ничего нельзя купить, поэтому рубль надо деноминировать – увеличить его номинал в 10 раз.

Заметим, что такая скромная деноминация никогда не проводится, к примеру, в 1997 г. рубль был деноминирован в 1000 раз, хотя копейку сразу же выбрасывали из сдачи даже нищие – в 1997 г. и на 10 копеек ничего невозможно было купить.

Хрущев проводил деноминацию только с целью прикрытия ею повышения цен. Если мясо стоило 11 рублей, а после повышения цен должно было стоить 19 руб., то это сразу же бросилось бы в глаза, но если одновременно проводить и деноминацию, то цена мяса в 1 руб. 90 коп. сначала сбивает с толку – вроде и подешевело.

Трудно сказать, но и исключать нельзя, что у Зверева вышел конфликт с Хрущевым именно по поводу вот такого сугубо политического, а не экономического использования финансов».

* * *

Будучи выдвиженцем И. В. Сталина, Зверев принадлежал к числу тех советских руководителей, которые прошли «сталинскую» школу управления государством. В своих воспоминаниях, положенных в основу данной книги, А. Г. Зверев рассказывает об особенностях сталинского стиля руководства Советским Союзом, о поразительной способности И. В. Сталина вникать в самые сложные финансовые и экономические вопросы и принимать по ним верные, полезные для страны решения.

Кроме того, автор повествует о своем жизненном пути – от простого рабочего парня до министра – и доказывает, что такое было возможно только в советской стране, где перед каждым гражданином открывались широкие перспективы для реализации его лучших способностей.

Фабричное воспитание

Если вам доводилось когда-либо ездить из Москвы в Тверь через Клин, то вы заметили, что холмы Дмитровской гряды сменяются под Клином болотистой равниной. Это – правобережье Верхней Волги. Еще в начале текущего столетия тут тянулись почти сплошные леса, перемежавшиеся вырубками и скудными пашнями. В сторону Волги и ее крупных притоков струятся реки Малая Сестра, Яуза (не нужно путать с одноименной московской рекой), Вяз. К западу от Клина, на старинном тракте на Ржев, расположились селения Высоковск, Некрасино, Петровское, Павельцево... Этот край – моя родина. Здесь я родился в 1900 году в бедной семье рабочего и крестьянки. Я был шестым, а за мной последовало еще семь братьев и сестер.

В 1912 году меня приняли на работу на Высоковскую фабрику. Платили мне, помню, сначала 34 копейки в день. Через полгода, когда мастер убедился, что я стараюсь, меня перевели из подсобных рабочих в ученики к специалисту, а потом начали поручать и самостоятельную работу. В 1913 году я стал получать по 15–18 рублей в месяц – столько же, сколько и мой отец, квалифицированный ткач. Был я в то время подавальщиком у одного из лучших прорборщиков фабрики Якова Чудесова. Дядя Яков считался гордостью прорборного цеха: умел, как никто, делать сложные заправки тканевой основы. Увы, труд на хозяев выкачал из него все силы, а потом он потерял зрение и работать больше не смог... Меня поставили на место Чудесова, благо он в свое время щедро учил меня всему, что умел делать сам. Теперь мне положили жалованье побольше, от 22 до 36 рублей ежемесячно. Так подростком я стал едва ли не главным кормильцем семьи.

Силенок у меня было мало. Отработаешь десять часов и бредешь, пошатываясь от усталости, в общежитие. В тесной каморке с низким потолком, грязными стенами и закопченными окнами, на жестких нарах лежат старшие товарищи или ровесники, бормоча во сне. Кто-то играет в карты, кто-то бранится в пьяном споре. Жизнь их сломлена, подавлены мечты. Что видят они, кроме тупой, изнуряющей и однообразной работы? Кто просвещает их? Кто о них заботится? Тяни из себя жилы, обогащай хозяев! И никто не мешает тебе оставить в кабаке свои трудовые...

Вот идешь ты после смены с фабрики. Твое место – посередине переулка. Ступишь на озелененный тротуар, берегись попасться на глаза «хожалому». (Так называлось особое лицо. Люди, назначенные администрацией на эту должность, специально следили, чтобы рабочих не было на тротуарах.) Одним из «хожалых» был Ивлев, старый солдат. Двое других сохранились в памяти под своими прозвищами – Баран и Волк. Вооруженные палками, «хожалые» могли избить за любой «проступок». Жаловаться было бесполезно – выгонят с фабрики, и свисти в кулак.

Рядом с фабричным зданием виднелся так называемый Народный дом. Его построили по требованию рабочих. Но началась реакция, и больше рабочим туда не было доступа. Библиотекой, буфетом, бильярдной пользовались только служащие.

Много мы натерпелись хозяйского хамства и своеволия: не вовремя снял шапку, не так взглянул на начальство, осмелился высказать свое мнение... Бесправие рабочего человека и царившие повсюду палочные порядки вызвали законное возмущение. Его надо было направить в нужное русло. Постепенно я начал задумываться над тем, как нескладно устроена жизнь и нельзя ли ее переделать. Этот процесс политического созревания молодого рабочего был ускорен мировой войной. Что дает война трудовому люду? Россия голодает, народ зря на фронте гибнет, страна зашла в тупик. Долго ли еще так будет продолжаться? Самодержавие губит Россию, рабочие и крестьяне бедствуют, а хозяева богатеют. Такие разговоры все чаще слышались в цехах.

В конце 1916 года на фабрике забастовало более 5000 человек. Стачка была всеобщей. Начал ее наш проборный цех. Нас поддержали ткачи и прядильщики. Мы сговорились о совместных действиях и сразу же разошлись по своим деревням, условившись, где и когда снова встретимся. Начальство надеялось, что голод заставит рабочих отступить. Из Клина вызвали полицию. Но рабочие выдержали. Дирекция пошла на хитрость. Пытаясь расколоть фабричный люд, она решила уступить отдельным рабочим. Мы же об этом пока ничего не знали. Срок, который предоставила нам дирекция, истек: убедившись, что она отказала проборщикам в их требованиях, мы на очередной сходке договорились взять коллективный расчет.

Прошла неделя. Некоторых рабочих из нашего цеха администрация вызывала и грозила, если они не приступят к работе, лишить их отсрочки от призыва в армию. Испугавшись этой угрозы, те стали к станкам. Вернулся и еще кое-кто, добившись удовлетворения некоторых требований. Меня на работу не приняли. Увидев меня в конторе, директор Скидмор (англичанин) бросил злым голосом фразу: «Тебе ешо рано баштовать, ты ешо шопляк!» Так закончилась моя карьера высококовского проборщика.

Месяца два я жил дома, помогал матери. А когда грянула Февральская революция и царя сбросили, я распрощался с родными, забрал с собой нехитрые пожитки и уехал в Москву.

Дорога в партию

В 1917 году Москва кипела и бурлила. Толпы, оживленные и говорливые, переходили от одного оратора к другому, заполняя площади и растекаясь ручейками по переулкам. На фронтонах зданий зияли светлые пятна: здесь еще вчера торчали бронзовыми бляхами двуглавые орлы. Большую их часть уже выбросили в мусор, но кое-где они валялись на мостовой, и прохожие топтали их перья.

Я радостно и изумленно взирал на окружающее. Революционные речи, возбужденные лица и необычные для меня картины города, во много раз большего, чем провинциальный Клин, производили огромное впечатление.

Я долго бродил по улицам в поисках пристанища. Скромные запасы домашней снеди стали подходить к концу. Куда проборщику дорога? Ясно куда – на текстильную фабрику... Нашел земляков. Они свели меня в фабричное правление на Никольскую улицу, затем на Нижнюю Пресненскую – на Прохоровскую Трехгорную мануфактуру. Здесь все напоминало Высоковск – такие же станки, общежития, так же долог трудовой день. Но революция внесла новое и за фабричные стены: рабочие держатся с каждым днем все увереннее и увереннее.

Фабрикой управлял холуй миллионера Прохорова Протопопов. Он и его подручные – несколько служащих из конторы – пытались по-прежнему покрикивать на рабочих, однако встречали дружный отпор. А однажды возмущенные текстильщики потребовали, чтобы Протопопов и его присные унесли ноги, пока целы. Шел апрельский дождь, но толпа у конторы не расходилась. Председатель контрольной комиссии фабрики большевик В. Иванов громко заявил, что первый весенний дождь вместе с дворовой грязью смыл и старых хозяйских слуг. В дальнейшем мы их уже не видели.

Эту комиссию избрали сами рабочие. С самого начала в ней задавали тон большевики, хотя на Трехгорке, особенно в фабричном комитете, преобладали эсеры и меньшевики. Удалось, правда, провести заместителем председателя фабкома большевика С. Малинкина. С уважением слушали рабочие и секретаря фабричной большевистской ячейки Г. Романова. Тем не менее эсеры и меньшевики навязывали свою линию и только под напором рабочих соглашались конфликтовать с хозяевами. Для меня вопрос «с кем идти?» был ясен. Я с теми, кто от начала и до конца защищает интересы пролетариев.

Силу коллектива Прохоров почувствовал довольно скоро. Должно быть, он уже тогда понял, что прежние времена ушли безвозвратно. Однако усваивал уроки изменившейся жизни не только фабрикант, но и новички вроде меня. Уровень пролетарской организованности на Трехгорке был несравненно выше, чем на Высоковской мануфактуре. Я убедился в этом очень скоро.

Примерно в середине весны Прохоров заявил фабкому, что топливо кончается, сырья не хватает и фабрика должна остановиться месяца на два. Рабочие знали, что это неправда, и не дали хозяину затормозить производство. Вопреки мнению эсеро-меньшевистского фабкома, который уговаривал рабочих согласиться с Прохоровым, большевики собрали общий митинг. На нем-то и выбрали контрольную комиссию для проверки всех складов. Через несколько дней члены комиссии прошли по цехам и рассказали, что запасов хватит надолго, что спокойно можно работать. Станки не остановились, а фабриканту пришлось отступить. Еще через месяц мы потребовали установления 8-часового рабочего дня. Хозяйские вопли о том, что производство развалится, никого не испугали. Прохоров категорически отказался согласиться с этим требованием, но 8-часовой рабочий день был установлен явочным порядком. И снова Прохоров отступил.

По мере того как я стал привыкать к Москве, все чаще всплывала в сознании старая мысль: учиться дальше! Ведь я так мало знаю. Не удастся ли попасть в Мануфактурно-техни-

ческое училище нашей фабрики? Это училище помещалось в Большом Предтеченском переулке и выпускало техников низших разрядов, специалистов по наладке и ремонту станков и красильной аппаратуры. Директор училища П. Н. Терентьев потребовал рекомендации от фабкома. А там сказали, что я больно горласт: кричу на митингах что надо и чего не надо, да и работаю на Трехгорке совсем мало. Пусть поучатся другие, кто посерьезнее и поспокойнее. Разобиженный, я ушел восвояси, приняв все сказанное только на личный счет. 17-летний парень не смог еще тогда понять, что это жизнь дает новый урок классовой борьбы: как когда-то надменный англичанин показал мне на дверь, так и теперь эсеро-меньшевицкие приспособленцы наглядно демонстрируют рабочему, сами того не желая, в какой политической партии следует искать правду.

Летом 1917 года я сблизился с несколькими ребятами, обслуживавшими каландры. Так называли машины, которые прокатывали между валами материю, придавая ей блеск и отпечатывая на ней особый узор. Сильнее других влиял на меня рабочий Лаврентьев. Он содействовал тому, что я начинал все лучше разбираться в ходе политических событий. Подобно его машине, он «отпечатывал» на мне узор своих мыслей, рассуждений и представлений. Пошевеливая узловатыми пальцами, изъеденными анилиновой краской, Лаврентьев внушал мне:

– Нужно готовиться к новой драке. Царя сбросили – хорошо. Но этого мало. Прохоров как сидел у нас на шее, так и сидит. Россия как лила кровь в войне, так и льет. Ты представляешь, какая это сила – рабочий класс? Вместе соединимся, по всем городам затрещат буржуйские устои. Сейчас господа ликуют, хотят старые порядки вернуть, солдат казнят, Ленина ищут, чтобы убить его. Но увидишь, скоро придет им полный конец. А пока нужно делать свое дело, гнать из фабкома их подпевал да прибирать фабрику к рабочим рукам!

Как и всюду, события на Трехгорке особенно бурно развивались после корниловщины. Сначала мы бастовали, когда Корнилов приехал в августе в Москву, на Государственное совещание. Потом, после неудачного его похода на Петроград, пошли беспрестанные митинги. Сразу из цехов или из большой казармы мы бежали обычно к большой кухне, излюбленному месту сбора, где вспыхивало горячее обсуждение происходящего. Наконец решили: переизбрать фабком – он не защищает пролетарские интересы, поет с Прохоровым в один голос.

Перевыборы шли не только на Прохоровке. Вся рабочая Москва гнала прочь в те дни эсеров и меньшевиков, а их место занимали большевики. Обсуждали каждую кандидатуру – как работает, с кем общается, как настроен. Знали друг друга насквозь. Особенно горячо, до хрипоты, участвовали в обсуждении женщины – подавляющая по численности часть прохоровцев: прядильщицы, ткачихи, аппретурщицы или просто жены рабочих, прибегавшие из общежития либо из окрестных домов. В сентябре старый фабком прокатили на вороных. Председателем нового стал большевик Матвей Ефимович Волков. А мой старший товарищ и наставник Лаврентьев был избран в Пресненский Совет рабочих депутатов.

Теперь дела пошли веселее. Все громче звучали пролетарские требования, все увереннее вела за собой рабочую массу большевицкая организация, все трусливее поджимала хвост фабричная администрация. Не забыть мне состоявшегося незадолго до Октября огромного шествия трехгорцев на Ходынку. Там нас ждали в своих казармах солдаты. Они выбежали в раскрытые ворота, зазвенела медь оркестровых труб, заговорили наперебой братья, одетые в сатиновые косоворотки и в холщовые гимнастерки. Потом перемешавшиеся ряды тех и других вместе двинулись к Ваганьковскому кладбищу.

У могилы Николая Эрнестовича Баумана, погибшего за рабочее дело, ораторы один за другим клялись довести до победы борьбу с капиталистами и помещиками и не отступать перед врагами.

А когда грянула социалистическая революция, сказала свое слово Красная гвардия. Тревожными ночами, под стрельбу, отбивая наскоки юнкеров, вооруженные рабочие охраняли здание фабрики и общежития. Стоял на посту и я.

Прохоровцы участвовали в боях на московских улицах, продвигаясь к центру города вдоль Большой Никитской. Оттуда и пришла весть, что от юнкерской пули геройски пал наш рабочий Нестор Гевардовский. Надев траурные повязки, мы несли почетный караул у здания правления фабрики, где разместились Пресненский райком РСДРП (б) и пункт записи в Красную гвардию.

Но вот пролетарская власть победила. Прохоровка сменила старое руководство: новая контрольная комиссия, избранная в ноябре, решительно вмешалась в управление фабрикой и взяла на учет все запасы мануфактуры. Прежде Прохоров, используя нехватку в стране тканей, беззастенчиво спекулировал ими. Теперь этому положили конец и отпускали мануфактуру со складов только по разнарядкам, подписанным в Союзе текстильщиков.

Старое не сдавалось без боя. Действовали саботажники. Пытаясь давить на рабочих и показать им, сколь «беспомощна» новая власть, фабричная контора все время задерживала выдачу заработной платы. Вели контрреволюционную агитацию меньшевики и эсеры. Почти ежедневно прерывалась работа и созывались митинги. Только возьмешься утром за дело, а по цеху уже мчится посыльный:

– Ребята, на сходку!

– Куда?

– К большой кухне.

Торопимся во двор. Со всех сторон стекаются женщины, мужчины. Обсуждаем, спорим, слушаем других и говорим сами. А через день – опять новость:

– Мастера останавливают моторы. Чересчур быстро ходят шкивы. Нужно помедленнее.

– А работать как? Чего они финтят, что мы, глупее их, что ли? Снижают выработку, хотят остановить станки. Знаем эти песни! Тоскуют по прежней жизни. Не позволим!

И опять митинг. Выступают старые служащие, пытаются урезонить ткачих. Члены большевистского фабкома разъясняют, почему мастера стремятся помешать работе, и призывают срывать все попытки саботажа. Прохоров почти не показывается на фабрике, но его люди действуют. Будьте, товарищи, на чеку!

В цехах волновались: Россией правит наша власть, а на фабрике старый хозяин. Давно пора прогнать его, сделать наше производство народной собственностью. Так же рассуждали и на других предприятиях. Ответ дала Советская власть: декретом Совнаркома были национализированы все крупные предприятия. В их число вошли также хлопкообрабатывающие, красильно-аппретурные и льнопеньковые фабрики. Союз текстильщиков известил нас, что следует избрать новое правление на мануфактуре, описать все имущество, установить полный рабочий контроль над производством.

В те же дни в Москве были национализированы мануфактурные магазины, а товары, хранившиеся в них, объявлены народным достоянием. Среди купцов началась паника. Некоторые устремились в иностранные посольства. То там, то тут на дверях магазинов появлялись солидные печати и пломбы. Довольно улыбаясь, хозяева зазывали покупателей, а государственными контролерам предъявляли иностранные паспорта (ведь Советская власть не могла в то время идти на прямой конфликт с другими государствами).

В сентябре 1918 года Трехгорка стала советской фабрикой. Прохоровы владели ею почти 120 лет. И вот им дали от ворот поворот. Новое фабричное правление возглавил наш товарищ И. Касаткин. Две трети членов правления назначил совнархоз, треть избрали сами рабочие. Прохоровым на предприятие больше не было дороги.

Постепенно в руки народа переходили все заводы и фабрики. Дошел черед и до Высоковской мануфактуры. Из писем я узнал, что это произошло в марте 1919 года. В то время меня уже не было на Трехгорке. Развернувшиеся иностранная военная интервенция и гражданская война потребовали массового пополнения Красной Армии. Летом 1918 года по призыву большевистской партии и Советского правительства тысячи пролетариев влились в воин-

ские части. Военное бюро, созданное на Трехгорке, формировало малые и большие боевые отряды, а также направляло в армию отдельных рабочих через Пресненский военкомат. На Юго-Восточный фронт отбыл 21-й стрелковый полк, почти целиком составленный из бывших прохоровцев. На Западный отбыл 41-й полк, на две трети укомплектованный трехгорцами.

Заявление о желании вступить добровольцем в Красную Армию я подал еще весной. И вот наступил мой черед. 1-й запасный полк, в который я попал, располагался на Ходынском поле. Он считался на лагерном положении. Поэтому жили мы в палатках. Дырявая ткань, не раз выдавшая виды, кое-как скрывала от глаз содержимое палатки, но не была даже слабым препятствием для влаги. Когда шел дождь, снаружи было суше, чем внутри. Ежедневно в полку формировались и убывали на фронт маршевые роты. Нас учили владеть оружием, читали нам лекции о политическом моменте. Я и другие молодые красноармейцы стремились скорее попасть на фронт. Но надо мной из-за моего малого роста пожилые посмеивались, советовали подучиться, подрасти.

– Как же так? – горячился я. – Вы, пожилые, идете воевать, а меня, молодого, отговариваете?

Вели они со мной и серьезные разговоры:

– Мы боролись с царем за дело трудового народа. Дожили, дождались, рабочая власть победила. Теперь надо защитить ее. А ты потом поведешь общее дело дальше. В этом и был смысл борьбы. Рассуждаешь ты в целом верно, обстановку понимаешь. Твое место – в рабочей партии.

Мысли о вступлении в партию приходили мне и до армии. Начальные уроки политической борьбы я проходил в Высоковске. Много для меня значила работа на Трехгорке. Окончательно же меня сформировала армия. Я решил вступить в партию.

Нашлось сразу несколько человек, готовых дать мне рекомендации. Став коммунистом, я еще острее почувствовал, что должен быть на фронте, и неоднократно просил об этом начальство.

Иногда мне удавалось заглянуть на Трехгорку. Она остановилась в марте 1919 года. Почти все рабочие отправились на фронт. Опустили цехи, молчал некогда столь оживленный двор.

Мои беспрестанные просьбы в конце концов надоели начальству. Меня вызвал комиссар полка и предложил пойти учиться на красного командира. Я расцвел от радости. Но каково же было мое разочарование, когда мне сказали, что эти курсы находятся в Москве. Значит, снова вдали от фронта? А потом, чего доброго, опять оставят для тыловой службы?

Комиссар обещал помочь мне. И вот в начале 1920 года с вещевым мешком за плечами я прибыл в Оренбург для поступления в кавалерийское училище.

«Республика путь нам укажет»

Военные занятия шли в училище форсированными темпами. Стрельба с лошади и спешившись, одиночная и залпами, рубка шашкой, кавалерийские перестроения, организация боя, умение ухаживать за лошадьёю...

Особенно запомнились занятия, которые проводил начальник дивизиона Келлер. В прошлом офицер царской армии, участник Первой мировой войны, опытный кавалерист, он перешел на сторону Советской власти, вступил в Коммунистическую партию и передавал все свои знания красным командирам. Курсанты уважали его. Когда летом 1920 года училищу пришлось выступить почти в полном составе на ликвидацию одного антисоветского мятежа и надо было решить вопрос о командире, курсантская партия настояла, чтобы во главе боевой группы поставили Келлера. Возглавлял тогда нашу партийную организацию будущий известный советский поэт Степан Щипачев. Он был одним из первых, с кем я познакомился в училище.

Стояла зима 1920 года. Мы, новое пополнение, только что прибывшее в Оренбург, по дороге в кавшкolu дрожали от холода в своих драных шинелишках. Мимо нас по улицам везли на дрогах нескончаемый ряд очередных жертв тифозной эпидемии. В классах с выбитыми окнами нас встретили «старики» – курсанты, учившиеся еще с осени 1919 года. Худые, голодные и уставшие, но зато в теплых полушубках и в нарядных штанах с красными лампасами, они приветствовали новых товарищей. Среди встречавших был и Щипачев. Он тогда только еще начинал свою литературную деятельность: писал в стенгазету, читал стихи в местном клубе, иногда печатался. Среди его первых литературных опытов оренбургская тематика заняла немалое место. Не раз вспоминал он о ней и позднее:

Республика путь нам укажет
Сквозь ветер, сквозь дым, сквозь года...
Курсантскую молодость нашу
Нам не забыть никогда.

В Оренбурге мы занимались не только военной службой. В то время каждый коммунист был на счету. Естественно, что губернская партийная организация привлекала нас к участию в самых разнообразных мероприятиях местных органов Советской власти. Чаще всего мы охраняли здания, где проводились съезды, конференции и собрания республиканского, краевого, губернского или городского масштабов, но нередко и сами являлись активными их участниками. В те годы Оренбург был крупным административным центром территории с рядом национальных меньшинств. Местным партийным и советским органам приходилось заниматься напряженной политической деятельностью. Мне довелось слышать яркие, полные революционного пафоса выступления многих руководителей оренбургских коммунистов.

Когда я приехал на кавкурсы, Оренбуржье входило в Киргизский край. Это название возникло потому, что до революции весь район к северу от Туркестана обычно именовали Киргизией. Там жили как собственно киргизы (в восточной части территории), так и киргизкайсаки, которых с середины 20-х годов стали называть казахами. Таким образом, тогдашний край охватывал почти весь современный Казахстан. В состав ревкома входили известные всему краю деятели С. С. Пестковский, А. Айтиев, А. Т. Джангильдин и другие.

В марте 1920 года состоялся второй Оренбургский съезд Советов. Курсанты охраняли здание съезда и присутствовали на его заседаниях. Я услышал тогда среди других речь председателя губисполкома Николая Дмитриевича Каширина, оренбургского казака, члена большевистской партии с 1918 года. Сын атамана, он, тем не менее, вместе со своим братом Иваном

сразу же перешел на сторону Советской власти и сформировал из верхнеуральских казаков крупный красный отряд, позднее ставший костяком знаменитой 30-й стрелковой дивизии. Она отличилась в борьбе с колчаковцами и врангелевцами. О ее подвигах поется в известной красноармейской песне:

От голубых уральских вод
К боям Чонгарской переправы
Прошла тридцатая вперед
В пламени и славе.

Вне четкой цепи взаимосвязанных воспоминаний, скорее как бы отдельными яркими пятнами уцелели в памяти некоторые картины оренбургской жизни того времени. Вот первомайский субботник 1920 года. Весь народ вышел на уборку города. А вот майский митинг. На огромной Хлебной площади толпа. Невысокая трибуна с трех сторон охвачена людской массой. По партийной мобилизации едут на польский фронт коммунисты. К каждому из них подходят жившие в детском доме сыновья и дочери погибших за дело революции поляков и прикалывают на грудь красный бант.

Осень... Степной ветер метет по улицам почти лишенного зелени города пыль вместе с редкими листьями. В небольшом особнячке заседают говорящие не по-русски товарищи. Над входом красуется плакат «Уй Мадьярорсаг» («Новая Венгрия»). Это проходит губернская партийная конференция венгерских интернационалистов.

Начало 1921 года. Пришло известие, что из Москвы прислали ткацкие машины. Курсанты охраняют место разгрузки. Заинтересовавшись событием, через несколько недель, отпросившись у начальства, отправляюсь на ткацкую фабрику. Как приятно видеть знакомые контуры станков, слышать их перестук! Ползет бумажная основа, вплетается шерстяной уток, и, подрагивая, лезет из-под рамы шинельное полусукно.

Наконец, самые тяжелые воспоминания, связанные с голодной весной 1921 года. Каждый день через станцию проходят поезда, набитые людьми. Это из голодающего Центра и Поволжья едут в Ташкент – «город хлебный». Некоторые, вылезши из теплушки за водой, так и остаются лежать возле железной дороги, не имея сил подняться с земли. Вопят мешочники. Плачут дети. Вот несколько человек трясущимися пальцами сворачивают сигарки, с капустной и крапивной ботвой вместо табака, из выпущенных губздравотделом листовок «О способах применения суррогатного хлеба». В стороне на кострах жгут усеянное вшами платье тифозных. К набережной медленно бредут казахские семьи. Они собрались возле Караван-Сарая в надежде на помощь. Но помочь удалось не всем: городские рабочие сами сидят на мизерном пайке.

Ни одна другая политическая партия, ни одна иная власть на свете не выдержала бы того, что пережила наша страна в страшные 1921–1922 годы. Поднять государство из руин, поставить людей на ноги, открыть перед ними горизонты новой жизни, завоеванной в дни социалистической революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны, смогла только Коммунистическая партия, только Советская власть!

Как мы агитировали

Время было трудное, врагов в стране оставалось еще очень много. Поэтому любой из нас считал себя как бы постоянно мобилизованным. Ни у кого и в мыслях не было отделять свою личную судьбу от судьбы всей партии, Советской власти. Поэтому решение партийных инстанций всегда воспринималось не как «начальственное указание», а как нечто близкое и родное, неразрывно слитое с собственной жизнью. Ведь ради этого мы боролись и страдали, ради этого проливали кровь и шли на жертвы. Стоит ли говорить поэтому, что, когда мне посоветовали в партячке подумать о дальнейшей работе именно на пропагандистском фронте, я не колеблясь дал согласие.

В моем Клинском уезде кадры были очень нужны. Новые товарищи и слышать не захотели, что я рассчитываю хоть месяц пожить в родной деревне. Мне дали на свидание с родными неделю, а потом сразу завалили поручениями. Я и оглянуться не успел, как был назначен секретарем агитационно-пропагандистского отдела уездного комитета РКП(б).

Чем же мы занимались в те дни? Первая наша задача состояла в разъяснении важнейших очередных мероприятий Советской власти. Возьмем, например, сентябрь 1922 года. В этом месяце ЦИК принял решение о праздновании Международного юношеского дня, учредил Российское телеграфное агентство, передал обычным государственным органам в связи с частичным улучшением продовольственного вопроса все дела Помгола (организации «Помощь голодающим»), заменял старые денежные знаки советскими рублями; Совнарком протестовал против империалистической блокады Черного моря. Начался октябрь – и опять масса событий: Совнарком издал постановление о выпуске банковских билетов и учреждении ломбардов на правах ссудных касс, началась решительная кампания по борьбе со взяточничеством, была введена постоянная зарплата для служащих, готовилось открытие Всероссийской сельскохозяйственной выставки, пришло известие об освобождении Владивостока от белогвардейцев и интервентов, начали чеканить золотые червонцы, пошла подписка на государственный заем и продажа билетов очередной лотереи, РСФСР пригласили на Лозаннскую конференцию.

Вот последовал ноябрь: опубликовали декрет о единовременном гражданском налоге и постановление об амнистии к пятой годовщине Октябрьской революции, прошли организация и проведение праздника, состоялись IV конгресс Коминтерна и II конгресс Профинтерна, трудовой и гужевой налог заменили денежным обложением, Дальневосточная Республика вошла в состав РСФСР. В декабре открылся III конгресс Коммунистического Интернационала молодежи, заседала Московская международная конференция по сокращению вооружений, состоялись X Всероссийский и I Всесоюзный съезды Советов, образовался Союз ССР. Обо всем этом следовало рассказать, подчеркнув политический смысл событий.

Что за сумбур! – подумает, пожалуй, иной читатель. Тут и ломбарды, и Коминтерн, и амнистия преступникам... Но на вещи нужно смотреть не только глазами сегодняшнего дня, а и переносясь в былое. Такое «двойное зрение» просто необходимо, если кто-нибудь хочет вжиться в эпоху и постичь внутреннюю логику ее событий. Ныне люди думают иначе, чем в 1922 году. Не та жизнь, не та обстановка... Тогда наших граждан волновало многое такое, над чем современное поколение даже не задумывается.

Когда, например, РСФСР пригласили участвовать в работе Лозаннской конференции, почти в каждой первичной партийной организации развязалась дискуссия, нужно ли принимать приглашение империалистов? Когда наши дипломаты поехали за границу, не один человек (кто – с теплой улыбкой, кто – с издевкой, а кто – и с недоумением) считал обязательным поделиться своими мыслями по поводу того, что советские государственные деятели, вчерашние борцы революции, сочли необходимым надеть «буржуйское платье» – давно, казалось, позабытый фрак. Зато я никогда не забуду накаленной атмосферы собраний, принимавших

негодующие резолюции протеста против того, что некоторые страны отказались последовать советскому призыву о разоружении, провозглашенному на Московской конференции.

Рассказывать обо всем этом населению и вести агитационную работу было очень трудно, прежде всего из-за отсутствия необходимой материальной базы. Поэтому главным оружием агитации и пропаганды были выступления, горячее большевистское слово. Не раз случалось, что весь состав укома разъезжался по городкам и деревням уезда, чтобы в непосредственном общении с трудящимися донести до них голос партии.

На кого же мы опирались в нашей нелегкой работе? Надо сказать, что диктатура пролетариата была отнюдь не отвлеченной политической фразой, а практической реальностью. Именно от рабочего класса, его сплоченности и революционной решимости зависел тогда успех нашей агитации, результат воплощения в жизнь политики Коммунистической партии. Клинский уезд, слабо развитый в промышленном отношении, представлял в этом плане не очень благоприятную картину. В 1922 году в Клину имелось лишь несколько мелких предприятий; партийная прослойка даже среди рабочих была сравнительно невысокой. К началу 1923 года в уезде насчитывалось 446 коммунистов, из которых 282 жили в деревнях. Партячейка на среднем по размерам предприятии состояла обычно из пяти – десяти человек. Конечно, иной была картина, скажем, на Большой Высоковской фабрике, но это – исключение.

Особые трудности испытывали мы при проведении агитационно-пропагандистской работы на селе. Там первой нашей опорой служили сельсоветы. В 1923 году из 665 работников всех 168 сельсоветов только 23 являлись коммунистами и 26 – комсомольцами. Из 65 сотрудников 15 волостных исполкомов лишь 23 состояли членами РКП(б) и РКСМ. Остальные сельские большевики и коммунистическая молодежь жили в разных деревнях. Сплошь и рядом встречались селения, где совсем не было коммунистов. Политический актив в таких населенных пунктах мы создавали, ведя работу среди бедняков, а потом уже с его помощью старались вовлечь в любое дело остальную часть жителей.

Поднять общий уровень культурного развития, помочь скорейшей ликвидации неграмотности – это была также неотложная задача. Сельское население было в массе своей неграмотным. Большое значение придавал поэтому агитпроп-отдел маленьким очагам культуры, распространявшим свет знания. До революции Клин не мог тут ничем похвастаться. Изредка клинский рабочий покупал билеты в «Электричку» (кинотеатр Беликова). Библиотека общества трезвости, в которой имелось до тысячи томов книг, и купеческо-дворянский клуб были ему, конечно, недоступны. Зато пролетарий мог свободно зайти в любую из пяти городских церквей и в любой из пятнадцати трактиров.

Советская власть постаралась даже в те трудные годы как можно скорее развить сеть подлинных очагов просвещения. В 1923 году в уезде насчитывалось уже 33 библиотеки (в том числе семь в Клину), шестнадцать изб-читален, два народно-крестьянских дома, восемнадцать клубов, пять театров, два кинотеатра, два музея. Выпускали разносторонне подготовленных рабочих и техникумов Владыкинское и Соголевское фабрично-заводские училища. Действовали помимо обычных детских школ до двадцати пунктов ликвидации неграмотности и одиннадцать школ для малограмотных.

Для того чтобы читатель лучше понял дух времени, приведу некоторые примеры. Вот выступаю я, скажем, в Клинской городской школе имени Законова. Меня слушают учителя, часть которых, пришедшая из дореволюционной школы, настроена по отношению к Советской власти скептически. После выступления сыплются вопросы, некоторые – с подковыркой или даже провокационного содержания. В ответ на один из вопросов привожу скромную цифру: в 1920 году в нашем уезде на каждую 1000 человек населения умирало 27, а рождались 22, теперь же, то есть в 1922 году, умирают 24, а рождаются 38. Гремит овация. Принимается правильная резолюция, а учителя все без исключения наперебой стараются после собрания позвать членам укома руки. Нас долго не отпускают – делятся своими планами...

Наступил 1923 год. Я встретил его в дороге, возвращаясь в город из села Дулепова, где выступал перед служащими конного завода. Выступление прошло удачно. Со вниманием выслушали начало речи с неперменным в то время рассказом о международном положении, оживленно реагировали на сообщения о последних мероприятиях Советской власти, о жизни нашего уезда. Потом долго беседовали по душам. Под конец выяснилось, что несколько рысаков-производителей конзавод отправляет в Клин, откуда они железной дорогой будут следовать в Москву. Воспользовавшись оказией, я сел в сани, и меня первый (и последний) раз в жизни «прокатили на вороных», но только в хорошем смысле этого выражения. Скрипели полозья, разлетался в стороны снег, и не хватало только бубенцов. Заводской кучер резко осадил в городе перед укомовской дверью. И первым, кого я встретил, вылезши из саней, был председатель укома.

– На рысках разъезжаешь, товарищ Зверев? Вижу, вижу, в своей работе достиг ты уже вершины. Пора переводить на другую должность!

– Брось, что за шутки? Ехал на попутных.

– Шутки действительно в сторону, а вот насчет новой службы – это я всерьез. От нас требуют человека с опытом политической работы на продовольственный фронт. Наметили тебя. Повойой, Арсений, за хлеб для Советской власти! Завтра по командировке уезжаешь в Москву, зайди за направлением.

Хлебный фронт

Борьба за хлеб была тогда подлинным фронтом. У всех перед глазами еще маячила голодная тень 1921–1922 годов. Решительные мероприятия Советской власти, хороший урожай и первые успехи новой экономической политики вывели страну из опасности. Но где гарантия, что неурожай не повторится? Жизнь требовала твердого обеспечения населения продовольствием. Между тем конкуренция государственного сектора хозяйства с частным, нэпманским, предъявляла к тому же дополнительные требования, а задача восстановления национальной экономики до довоенного уровня, которую мы тогда решали, выдвигала требование постоянного и полнокровного снабжения промышленности сельскохозяйственным сырьем.

Основную часть продуктов по государственной линии страна получала тогда через продовольственный налог на сельское население. Он составлял 240 миллионов пудов зерна; декрет ВЦИК от 21 марта 1921 года предусматривал снижение налоговой цифры.

Построенный на классовом принципе, продналог был прогрессивным. Это значит, что чем беднее хозяйство, тем меньше оно отдавало. Так Советская власть обеспечивала интересы трудового сельского большинства. Точная цифра налога, сообщаемая еще до начала весеннего сева, позволяла крестьянину заранее ориентироваться, сколько он должен будет сдать государству и сколько останется в его распоряжении. Различные льготы труженикам, расширявшим посевы, внедрявшим технические культуры и повышавшим урожайность, способствовали подъему деловой активности деревни. Политическое значение продналога, как ясно каждому, состояло в дальнейшем укреплении союза рабочих и крестьян.

Сначала продналог взимался только в натуральной форме. XII съезд РКП(б) в резолюции «О налоговой политике в деревне» указал на необходимость унифицировать все платежи в сельской местности и перейти от натурального обложения к денежному. Крестьянин сумеет, таким образом, лучше приноровиться к рынку, избрать наиболее выгодные культуры или направить свою силу в промысловые занятия. Еще в марте 1922 года был введен единый натуральный налог, исчислявшийся в стандартной весовой мере – пуде ржи либо пшеницы, а с мая 1923 года начал действовать новый единый сельскохозяйственный налог, частично взимаемый уже деньгами. Имелись отдельные губернии, где его целиком платили в денежной форме. Бедняков, как правило, от платы освобождали. Для предоставления льгот образовывали фонд за счет скидок в размере 5 процентов общей суммы. В целом по стране освободили от этого налога свыше 30 процентов крестьянских дворов, а самых неимущих снабжали хлебом в государственном порядке.

Но инспектора обязаны были не только изучить всю эту общую картину, чтобы уметь донести ее до населения, а и конкретно знать каждый пункт и параграф длинных и сложных инструкций. Ведь согласно установленной регламентации следовало в каждом отдельном случае определять норму поступления продукции с хозяйства. А это касалось уже живых людей: их семей, их быта и самого существования. Я неустанно зубрил официальные документы, за бесстрастными цифрами которых стояли реальные крестьянские души, и въедливо требовал от своих подчиненных того же. В нашем Клинском уезде было установлено одиннадцать налоговых разрядов (в зависимости от размеров урожая) и семь групп хозяйств (в зависимости от числа едоков на десятину надела). Если на одну душу приходилось менее 0,5 десятины при урожае ниже 25 пудов (минимальный предел), то налог равнялся всего 10 фунтам зерна. Если на каждого едока приходилось в среднем более чем четыре десятины и 70 пудов хлеба (максимальный предел), то налог равнялся 11 пудам 20 фунтам. В последнем случае речь шла уже о кулацких хозяйствах. Большую часть крестьян нашего уезда, а их было к концу 1923 года 104 тысячи, составляли середняки и бедняки.

К чему же сводились мои непосредственные обязанности? Будучи по совместительству помощником по политической части в заготовительной конторе, я являлся как бы комиссаром. Отвечал в рамках уезда за правильность раскладки продналога, а также за своевременность и полноту его поступления. Имел право надзора за рынками. Мог требовать содействия административных и партийных органов. Мне подчинялся штат разъездных налоговых инспекторов. Если кто-либо из местных властей мешал их работе, инспектора немедленно ставили вопрос об освобождении такого лица от работы. Людей, отказывавшихся платить налог, инспектор мог арестовать на трое суток, а уездный комиссар – на семь суток. Если заготовкам оказывали организованное сопротивление, мы вызывали вооруженный отряд, а сами, на всякий случай, никогда не расставались с оружием: не один продработник пал в те дни от кулацкой руки.

Чаще мы сталкивались, впрочем, уже не с вооруженным сопротивлением, а со случаями злонамеренного обмана. На обманщиков налагалась пеня, и об этом обязательно доводилось до сведения населения. Обнаружив, что кто-нибудь недоплатил, а потом сбывает излишки на рынке, я мог запретить ему торговать. Наконец, при необходимости я имел право возбудить иск и передать дело на рассмотрение выездной судебной сессии. Все эти права и обязанности были записаны в особом мандате.

Больше всего хлопот доставили нам кулаки. Их антисоветская агитация, всегда конкретная, с учетом местных условий и психологии каждой личности, которую они намеревались использовать в своих интересах, в основном была рассчитана на то, чтобы показать кулака «всеобщим заступником». Немало середняков и даже бедняков попадалось на их удочку и пело с чужого голоса. Враги Советской власти шли и на террористические акты.

В моем ведении находилось тогда восемь из пятнадцати волостей, или свыше 250 деревень уезда. Особенно трудной была весьма кулацкая по социальному составу Круговская волость. В то же время при сравнительно невысоком проценте середняцких хозяйств там было более половины бедняков. Значительная часть местных кулаков являлась «по совместительству» нэпманами, занимаясь стеклодувным промыслом. В таких деревнях изготавливались термометры, аптечная посуда, елочные украшения, стаканы. Владельцы подобных хозяйств обладали, если употреблять марксистский экономический термин, не чем иным, как рассеянной мануфактурой, – нанимали надомников из бедного крестьянства. На некоторых кулаков работали до пятисот человек. Оки покупали у предпринимателя сырье, орудия труда, керосин, а получали за свой труд гроши. Эксплуатация носила жестокий характер. Налогом владельцев почти не облагали, так как не всегда можно было доказать, что они используют чужой труд.

Другую категорию сельских нэпманов составляли владельцы теплиц с большим количеством обогревательных печей. Они занимались выращиванием в зимнее время огурцов и тоже эксплуатировали как явных, так и скрытых батраков. В некоторых теплицах работа велась даже круглосуточно.

Находившиеся в теплицах оборванные, исхудавшие женщины называли себя то племянницей, то сестрой или свояченицей хозяина. А тот, ухмыляясь, добавлял:

– Да что тут спрашивать? Живем одной семьей!

– А почему в разных избах?

– Вы, гражданин инспектор, ко мне не прилипайте. Я плачу государству налог, какой по закону положено. Вот квитанция. На товар тоже никто из покупателей не обижается. Можете сами проверить. Пройдемте в горницу. Есть очищенная... Закусите соленькими, поговорим по-человечески.

– За попытку подкупа я вас сейчас на выездную судебную сессию отправлю!

– Что вы, что вы, милый человек, я ведь как гостю предлагал. Знаю, что издалека приехали, замерзли. Коли сердитесь, то и не надо. А на теплицу у меня имеется разрешение. Вот, сельсоветом заверено.

Такие разговоры повторялись сплошь и рядом. Еще труднее было в этой волости с уплатой продналога. Поступали сигналы, что кое-где богатеям удалось подкупить представителей сельской власти. В некоторых деревнях бедняки жаловались, что в сельсоветы пролезли кулаки. Да и сам вижу: нужно в город посылать возы с зерном, а налицо грубый саботаж и срыв поставок. Тогда я договорился с уездным прод-комиссаром С. Казаковым, энергичным и добросовестным человеком, что не уеду из волости, пока не добьюсь порядка, и начал систематически объезжать одну за другой деревни.

Прежде всего говорил с коммунистами. Затем созывал население. Всюду меня встречали приветливо, со вниманием слушали беседу о затруднениях Советской власти с продовольствием, о нуждах рабочих и армии. Потом высказывались и обещали в два дня сдать весь продналог.

Бывало, что заверения оставались только заверениями. Приглашали в таких случаях в волисполком председателей сельсовета. Почему обманули? Где хлеб? Те ссылались на тысячи причин и торжественно клялись, что через сутки зерно будет на месте. Но проходило еще двое суток... Снова вызывали людей в исполком и строго предупреждали: если через сутки продналог не будет уплачен, то председатель ответит по всей строгости закона, вплоть до судебного разбирательства. Он должен прибыть вместе с обозом. А если без него, то пусть возьмет с собой продукты, так как его, как саботажника, тут же передадут в руки милиции.

После этого последовал долгий разговор с председателем волисполкома. Осуждающе поглядывая на меня, тот заметил, что мне нет еще 23 лет, а я так сурово разговариваю с бородастыми мужиками. И почему я вообще тут распоряжаюсь как главный? Есть же волостное начальство. Времена разверстки прошли. С крестьянами надо разговаривать помягче. Сколько привезли, за столько и спасибо.

Отвечаю, что у него беспартийный подход к делу. Не хватает принципиальности, требовательности. Что волисполком идет на поводу у собственников, не заботится о нуждах Советской власти, не выполняет разнарядки, принятой в уезде и по волости. Возраст мой тут ни при чем. Речь идет о хлебе для пролетариев и Красной Армии. Борода – тоже ни при чем, она не делает человека честным. Если раньше волость не сдавала полностью налога, то не гордиться этим нужно, а стыдиться этого. Угрожаю же я потому, что тот, кто не дает хлеб городу, есть враг Советской власти. Действую же я строго по закону. Вот мой мандат. В нем записаны мои права. Тут, между прочим, сказано, что представители власти обязаны содействовать проинспекторам. Тех же, кто не помогает, следует отстранять от работы. Будете срывать поставки – вами займется уездный комиссар. Если налог и в третий раз не привезут, ответите вместе со срывщиками.

Неожиданно для меня председатель волисполкома рассмеялся и сказал, что хватка у инспектора крутая. В ответ он услышал, что ему, напротив, не хватает в характере большевистской твердости. Дальше разговор пошел миролюбивее.

А хлеба как не было, так и нет. На очередное совещание явились все работники сельсоветов. Вероятно, они надеялись, что и на сей раз дело ограничится разговорами. Я позвал волисполкомовского сторожа дядю Матвея, велел отпереть комнату предварительного заключения и перевел туда собравшихся, а потом запер дверь, поставил возле нее милиционера, сказал в комнату через форточку, что откладываю заседание вплоть до особого распоряжения, и ушел к себе в отдел.

Должен признаться, что я сильно сомневался, верно ли поступаю. Не взять ли у них еще одно обещание? Но голос сомнения заглушался тотчас же встававшими перед глазами картинами всего виденного ранее: голодные дети, сосущие жмых; матери с заплаканными глазами; красноармейцы, до последней дырки затянувшие ремень на пустом животе. И колебания исчезали.

Часа через два меня нашел «парламентер» – дядя Матвей – и сообщил, что «энти хотят поговорить». Иду в исполком. Просят принять делегацию от запертых в комнате. Принимаю. Входят трое, спрашивают, зачем я так шучу. Отвечаю, что мне не до шуток с врагами Советской власти. Скоро будем их судить. Обескураженная делегация отбыла. Через десять минут «изнутри» просят продолжить общее совещание. Сторож отпирает дверь, люди переходят снова в зал. «Делегация» заявляет, что если я отпущу всех по домам (дело было вечером), то к утру увижу подводы с хлебом. Тогда я говорю, что если опять обманут, то завтра соберу их и прикажу отвезти в сопровождении милиционера в Клин, за тридцать километров, а там с ними поговорят по-другому.

Люди разошлись. Я распорядился подготовить амбары, запасные мешки, весы и пошел домой, но уснуть никак не мог. Думал о происшедшем, вертелся с боку на бок, наконец встал и отправился на склад. Гляжу, а там тоже никто не спит, все работники на местах! Сидят, покуривают, волнуются. Так и просидели вместе до рассвета. Поздней осенью светает не скоро. Уже разгулялся день, когда издали послышался стук колес. Дождей давно не было, земля подмерзла, и звук доносился за версту. Выскочили мы из ворот, смотрим – и боимся поверить. Едут, едут телеги, некоторые с красными флажками, едут из всех 22 деревень...

Трое суток не уходили мы со склада, пока не закончили полностью прием продналога. Позднее мне сообщили, кто именно, где и когда вел тайную агитацию за срыв поставок. Этих лиц затем привлекли к ответственности, а о решении суда сообщили в каждую деревню. Так я впервые в жизни собрал для Советской власти налог...

К концу 20-х годов четко обозначились две политические тенденции в СССР. Одна отражала собой генеральную линию партии и заключалась в курсе на постепенное вытеснение кулачества из всех сфер общественной жизни, а затем и ликвидацию его как класса. Ей противостояла линия правых уклонистов, пытавшихся приспособить кулака к Советской власти, помочь ему «врасти в социализм». Должен заметить, что я, выходец из бедняцкой семьи, члены которой не раз батрачили в кулацких хозяйствах, прошедший затем школу борьбы с вооруженной кулацкой контрреволюцией, был в этом вопросе непреклонен и по отношению к кулаку не признавал никаких колебаний.

Рубль на московском фоне

На рубеже 1923 и 1924 годов произошло временное слияние продовольственных органов с финансовыми. Появилась возможность подумать о том, чтобы продолжить образование. Мое намерение было одобрено. Поклонившись родным местам, я направился в Москву.

Кем же я буду? За размышлениями в поезде незаметно промелькнуло время. Ступая по бульвару шумной привокзальной Каланчевской площади, я делал, даже не подозревая, конечно, о том, свои первые шаги к карьере финансиста, занявшей последующие 45 лет моей жизни...

Сначала я отправился в Московский Совет народного хозяйства. В секретариате мне сразу же захотели дать назначение, связанное с контролем продовольственного дела, но я взмолился направить меня на учебу, и меня послали в соседний дом, в распоряжение Народного комиссариата финансов СССР. Там повторилась та же картина. Меня направили в центральное управление налогами и государственными доходами, а там распорядились использовать меня в системе финансового контроля. Так я оказался в другом крыле здания, ставшего столь знакомым мне впоследствии. Сколько раз я, налоговый инспектор, сиживал здесь на заседаниях, слушал исполняющего обязанности наркома финансов СССР Н. П. Брюханова и начальника финансово-контрольного управления А. И. Вайнштейна. Сколько раз затем шагал я привычными лестницами...

Учебная скамья опять ускользнула от меня, и я получил назначение на работу в Московский финансовый отдел, размещавшийся тогда на площади Революции. Раньше тут заседала Городская дума. Купцы, чинные земцы, благообразные попы подъезжали на рысаках к прекрасному зданию и важно шествовали «решать дела мирские». Ныне же вместо буржуазии, выброшенной революцией, широкие красивые коридоры заполнили советские служащие. Мелькали черные и синие косоворотки, подпоясанные наборными ремнями сатиновые рубашки, порой виднелись украинские рубашки с расшитыми рукавами. Всюду царил оживление и деловая суета, характерные для большого учреждения.

Заведующий отделом Ф. А. Басиас долго слушал меня не перебивая, а потом негромко и спокойно сказал:

– Даю вам слово, товарищ Зверев, что по истечении года вы будете направлены на учебу. А сейчас зайдите в налоговое управление к Л. Бобылеву. Вам дадут назначение в Рогожско-Симоновский городской район. Вы приобретете там полезные практические навыки, и это облегчит вам в дальнейшем повышение своей квалификации.

И вот я – в налоговом управлении. Как же решится моя судьба? Что стану я делать?

– Ваш пост, товарищ Зверев, – налоговая инспектура Рогожско-Симоновского района Москвы, – сказали мне в управлении. – Исчисление и взимание прямых и косвенных налогов, а также налогов местных и сборов – вот ваш непосредственный участок работы. Однако заниматься придется и многим другим. Идет напряженная борьба. Частник не просто конкурирует с государством, но и пытается перейти в наступление. Подняла голову дореволюционная дрянь и нечисть. А в наших органах не все ладно. Кое-кому не хватает большевистской принципиальности, и нэпманы пользуются этим. Хорошо, что партия посылает к нам проверенные кадры. Вникайте поскорее в дело. Сначала познакомьтесь с районом, потом примите бумаги и беритесь за работу.

Немало озабоченный, шагал я в общежитие, неся под мышкой справочники и инструкции. Потянулись дни, заполненные до отказа чтением специальных изданий, изучением финансовых смет учреждений и предприятий, проверками и ревизиями.

Одно из первых ассигнований, правильность расходования которого я проверял, было на приведение в порядок обветшавших мостов через Яузу. Их не чинили десятком лет, и я до

сих пор помню, сколько денег было отпущено как раз для этой цели. В том году москвичи отремонтировали 24 моста через Яузу и все восемь – через Москву-реку.

Рогожско-Симоновский район по социальному составу его жителей был довольно пестрым. Я узнал об этом, как только взял в руки налоговые документы. Подоходный налог на 90 процентов платили трудящиеся. В столь огромном районе налог на сверхприбыль поступал в казну всего от 150 человек. Квартирный налог значился лишь за 1600 лицами. Земельная рента поступала от 3,5 тысячи человек, а оценочный сбор (с лиц, имеющих доходы от строевнй) – также с 3,5 тысячи.

Изучая систему районного налогообложения, я очень быстро столкнулся с попытками многих частных утаить подлинные размеры своих доходов и обмануть государственные органы. Прежде всего это касалось перекупщиков, спекулянтов, маклеров и иных «посредников» торгового мира. В районе имелись рынки: Рогожский, Конный, Коровий, Таганские стоянки. Там оку фининспектора тоже не следовало дремать. И все же уследить за оборотистыми и пронырливыми нэпманами было трудно. Их изворотливость просто изумляла. Некоторые, чтобы легализовать свою деятельность, приходили в райфинотдел (он помещался на Коммунистической улице, в доме 29), где я принимал население с 10 до 14 часов, и пытались запасть какими-нибудь справками.

Помню случай почти анекдотический. Секретарь РК РКП(б) В. И. Полонский рассказывал нам, членам бюро райкома, как к нему пришел один крупный частник, владелец промышленного предприятия, и сообщил, что он хочет быть среди своих рабочих полномочным представителем Советской власти и большевистской партии и строить работу в соответствии с государственно-партийными решениями.

– Что же вам угодно? – спрашивает секретарь.

– У меня на предприятии скоро будут перевыборы в партячейке. Дайте мне указания, кто должен войти в новый состав фабричного бюро и кого из беспартийных следует принять в ряды большевиков. Я обеспечу все на должном уровне и гарантирую вам полный успех. Можете быть уверены, что у меня, отца моих рабочих, получится лучше, чем у активистов. Вы убедитесь, насколько я предан Советской власти и как могу быть ей полезен.

Конечно, проныре дали от ворот поворот. Но это не остудило нахальства прочих дельцов, занимавшихся различными махинациями и почти официально, и на «черном рынке». Некоторые из них плакались нам в жилетку, жалуясь на обиды и пытаясь руками советских органов расправиться со своими конкурентами. Обычно мы им отвечали словами из известной пьесы А. Н. Островского: «Кто вас, Кит Китыч, обидит? Вы сами всякого обидите!» С подобной публикой приходилось держать ухо востро, а не то запросто обведут вокруг пальца. Зайдешь в торговую точку Солесиндиката, берешь документацию и видишь, что государство получает при продаже соли 2 копейки прибыли на пуд. А добьешься истинных сведений, допустим, в частном магазине Масленникова, и ахаешь. Этот ловкач получает с пуда соли 18 копеек. Вот когда не раз приходилось вспоминать известный призыв В. И. Ленина к работникам советских хозяйственных органов: «Учитесь торговать!».

Ради истины надо признать, что не все следовали этому мудрому указанию. Некоторые, вместо того чтобы как следует организовывать заготовку сырья для социалистических предприятий, ориентировались на рыночную стихию.

Политический подход требовался особенно остро, когда приходилось ревизовать работу учреждений культпросвета. Например, в районных кинотеатрах «Таганский» и имени Сафонова цены на билеты иногда устанавливались такие, что посещавшие утренние киносеансы, главным образом дети рабочих, должны были платить почти столько же, сколько стоил билет на вечерний сеанс. Еще хуже получалось, если учреждение, ведущее агитационно-пропагандистскую либо просветительную работу, ценами на входные билеты отпугивало как раз тех, ради кого оно функционировало. О всех сходных случаях я немедленно сообщал в финансово-нало-

говую секцию райсовета и в Мосфинотдел. В свою очередь не раз получал от них поручения, не связанные прямо с моими должностными обязанностями, например обследование материального положения лиц наемного труда.

Такое обследование имело тогда очень важное значение. Советское государство стремилось регулировать и контролировать деятельность частного капитала. Нэпманы же всеми средствами уклонялись от регламентации и со своей стороны тоже пытались оказывать воздействие на горожан и крестьян. Часть пролетариата, трудясь на мелкособственнических предприятиях, не только подвергалась эксплуатации, но порою подпадала под влияние остатков буржуазии. Коммунистическая партия старалась вырвать их из пут чужих, вредных идей, чтобы повысить авангардную роль рабочего класса в стране. Кроме того, РКП (б) поставила задачей так организовать этих рабочих, чтобы они помогли Советской власти проводить на частных предприятиях ее политику. Партийные и комсомольские ячейки, профсоюзные и женские организации активно защищали от хищников-нэпманов материальные интересы трудящихся.

Одна из сложностей заключалась в том, что частники владели в основном мелкими кустарными или полукустарными заведениями. Механических приспособлений, не говоря уже о настоящих машинах, там почти не имелось. Правда, госкапиталистические предприятия были не только среднего размера, но иногда и довольно крупными. Новая буржуазия, порожденная нэпом, всячески приспособливалась к налоговому и трудовому законодательству, прячась от советского контроля. Большинство частников вовсе не стремилось к созданию крупных, хорошо оборудованных предприятий. Очень широко практиковалось ими «квартирничество» (использование надомников). Организовывались фиктивные товарищества, мнимые кооперативы и псевдоартели. А ведь советское законодательство защищало кооперацию. И нэпман, хитря и изворачиваясь, искал лазейку, чтобы, не меняя своей сущности, залезть под государственное крыло.

Особенно злостным явлением были хищения государственного имущества в скрытой форме. Так, близорукие ротозеи или чуждые элементы, попавшие в госаппарат, нередко продавали частникам неликвидные фонды предприятий по явно убыточным ценам. В других случаях аренда оформлялась на невыгодных казне условиях.

Рабочие, трудившиеся на нэпманов, должны были помогать советским контрольным и финансовым органам разоблачать хозяев. Однако дело осложнялось тем, что на мелких предприятиях порой совсем не было коммунистов. К тому же частники всеми мерами старались уволить или как-нибудь выжить рабочих-активистов. XII Московская губернская партконференция специально рассматривала этот вопрос. Еще в 1922 году был опубликован циркуляр ЦК РКП (б) «О партийной работе на частных предприятиях». При райкомах партии выделяли специальных инструкторов для руководства работой партячеек на госкапиталистических и частновладельческих заводах, фабриках и мастерских, а также в магазинах и тому подобных заведениях. В организационном отделе нашего райкома РКП(б) была образована постоянная комиссия, ведавшая парторганизаторами таких ячеек. Она-то меня и наставляла, давая поручения.

Полезную практику приобрел я также, изучая статьи расходов. Лимит зарплаты служащего не должен был превышать 15 рублей. Однако кое-где наблюдался существенный перерасход. В трестах за ушедшими с работы людьми числилась авансовая задолженность. Пахло тысячными суммами, выброшенными на ветер. Порой встречались грубые растраты. А с другой стороны, не всегда хватало средств на неотложные нужды, например на расширение жилищного фонда. Многие рабочие жили еще в подвальных помещениях. На одну жилую комнату приходилось по району в среднем 4,2 человека.

Самой сложной проблемой оставалась безработица. К началу 1925 года около 10 тысяч трудоспособных рогоже-симоновцев с постоянной пропиской не имели работы. Молодые ребята, слонявшиеся по улицам, пополняли ряды хулиганов, а некоторые – и уголовников.

Часть районных средств мы и направили на расширение набора молодых рабочих и работниц на такие предприятия, как «Искромет» и «Юная коммуна». Пришлось также разрешить временно частным кустарям брать себе учеников на основе особых трудовых соглашений. Дальнейшие мероприятия упирались в отсутствие необходимых денежных сумм. Следовало драться за каждую лишнюю государственную копейку, сурово пресекая «художества» нарушителей финансовой дисциплины.

Существовала еще одна проблема. С ней сталкивается, рано или поздно, каждый, кому приходится соприкасаться с достаточно ответственной государственной работой. Оказывается, далеко не всегда голые цифры, даже если они безошибочно отражают положение вещей, могут подсказать верный путь решения социальной проблемы. Вернусь к старому примеру. Сточки зрения финансового плана выгоднее было, как свидетельствовали цифры, оставить прежние цены на билеты в кинотеатр «Таганский». Политически же требовалось поставить вопрос о поощрении детей трудящихся, даже в ущерб доходности культурного заведения.

Замечу попутно, что соотношение идейно-политического момента с экономическим вообще непростая проблема. Чем дальше продвигался я по служебной лестнице, тем явственнее ощущал это. Станешь требовать желаемого только с политической точки зрения – можешь скатиться в волюнтаризм, оторваться от реальных возможностей, причинить ущерб народному хозяйству. Будешь исходить лишь из «цифры» – можешь потерять из виду конечную цель, нанести урон великому делу построения коммунизма. Этот постоянный разрыв между тем, что хочется, и тем, что можно, лежит фактически в основе обсуждения любого государственного вопроса. Важно не уклониться ни в ту, ни в другую сторону. Финансовый работник должен свято помнить о жизненной реальности. В то же время без верной социально-политической постановки задачи все цифры мертвы. Вот почему я никогда чрезмерно не доверял проповедникам «математической точности» в социальных науках.

Мне известны экономисты, которые, отлично владея математическим аппаратом (а это – превосходно!), готовы предложить вам на любой случай жизни математическую «модель поведения». В ней будут учтены любые возможные повороты экономической ситуации, любые перемены в масштабах, темпах и формах хозяйственно-технического развития. Недостает там порой лишь одного: политического подхода. Искусством вкладывать в ленту электронно-счетной машины задание, обобщающее на будущее все мыслимые и немыслимые зигзаги внутреннего и международного развития с учетом и техники, и экономики, и политики, и психологии широких народных масс, и поведения стоящих у государственного руля личностей, мы пока еще, увы, не овладели. Приходится намечать лишь наиболее вероятный аспект развития. А он не тождествен математической модели...

Итак, я хотел учиться. Законное, по-видимому, желание. В Мосфинотделе и в горкоме РКП (б) мне сказали: «Дела идут теперь получше, а Советская власть к тому же заинтересована в повышении квалификации своих работников. Скажите, где бы вы хотели учиться без отрыва от производства?»

И я стал искать. Сначала подумывал интенсивнее заняться самообразованием. Я давно уже систематически читал не только ежедневную «Финансовую газету» (и не стеснялся ходить на консультации к ее редактору М. Г. Вронскому), но также еженедельник «Бюллетень Мосфинотдела» и ежемесячник «Вестник финансов». Часто брал книги по специальности в находившейся напротив райфинотдела библиотеке имени Ключевского. Однако повседневная текучка засасывала и мешала регулярным занятиям.

Начал я приглядываться к имевшимся в районе курсам. Побывал на Рогожско-Симонском вечернем рабфаке, центральных опытно-педагогических курсах, курсах для взрослых, для счетоводов, общеобразовательных курсах имени Воровского. Вижу: все не то, что мне нужно. И отправился снова в Мосфинотдел. Его заведующий А. В. Николаев сказал: «Значит, в районе ничего подходящего не нашли? А пойдете на Центральные курсы по подготовке финан-

совых работников? Тому, кто их окончит, предоставляется возможность поступить в институт». Взглянув на мое просиявшее лицо, он улыбнулся и добавил: «Ну вот и договорились!»

Нэпманские зигзаги

Центральные финансовые курсы при Народном комиссариате финансов СССР размещались там же, где и сам наркомат. Учебный план курсов согласовывался со всеми новейшими задачами, которые вставали перед руководящим органом, а сотрудники последнего могли сочетать постоянную работу с ведением занятий на курсах. В числе этих сотрудников были крупные специалисты своего дела, искушенные во всех тонкостях финансовой службы. Кроме того, для чтения теоретических лекций пригласили ряд экономистов-профессоров. Наконец, занятиями по социально-политическим дисциплинам руководили слушатели последнего курса Института красной профессуры. Мы учились по программе повышенного типа. Большинству учащихся весьма помогала практика работы в финансовой сфере. Под уже знакомые нам практические вопросы подводилась научная база.

Окончившим курсы предоставлялись немалые права. Мы могли, в частности, беспрепятственно зачисляться на учебу в вузы экономического профиля. Должен признаться, что я заранее наметил для себя не только институт, в который собирался пойти по окончании курсов, но и факультет. Это был финансовый факультет МПЭИ (Московского промышленно-экономического института), и я уже представлял себе, как засяду за вузовские пособия и начну вплотную наряду с другими «грызть гранит науки» по более широкой программе.

В самых радужных чувствах шел я майскими днями 1925 года из МПЭИ в Московский губфинотдел. В одном кармане лежала справка, из которой явствовало, что я зачислен в этот институт, в другом – диплом об окончании курсов и характеристика, где говорилось, что я могу занимать должности на уровне заведующего уездным финансовым отделом или самостоятельного ответственного работника в губернском отделе. Я собирался отдохнуть на родине, а осенью сесть на студенческую скамью. И не ошибся в своем предположении: родные места увидел очень скоро, но только не в качестве отдыхающего.

Когда заведующий губфо А. В. Николаев взглянул на мою характеристику, он тотчас воскликнул:

– Отлично! Так вы – из Клина? А нам как раз там нужен завфинотделом. Прежнего сняли с работы и привлекли к судебной ответственности.

– Но я с осени должен начать учебу в институте.

– С осени и начнете. Поезжайте пока в Клин, поработайте, к октябрю мы вас отзовем.

– А не лучше ли послать кого-нибудь другого сразу, чтобы не было служебной чехарды?

– Конечно, лучше, да только некого. Пока будут подбирать человека, пройдут недели, а налоговое ведомство не может ждать. К тому же вам хорошо известны местные условия, и вы до октября наведете там хотя бы частичный порядок. Вам помогли поступить на курсы, теперь – в институт, помогите и вы.

О чем еще можно было рассуждать? И вот я опять еду в Клин, обдумывая по пути все, что мне рассказали о положении в местном финотделе. Еще в начале 1925 года в Клину состоялось расследование, обнаружившее, что бывший заведующий, разложившийся тип, начал пьянствовать и гулять – сначала на деньги нэпманов, а потом запустил лапу и в государственные. Он втянул в эту грязь председателя исполкома и заведующего земельным отделом, разбазарив 40 тысяч рублей. История с растратой казенных средств выплыла наружу. Крестьяне стали говорить, что не будут платить налогов, так как не желают работать на растратчиков. В результате гласного судебного процесса первый виновник был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян, а остальных осудили на длительные сроки тюремного заключения. Людям показали, что Советская власть не потерпит попрания государственных и народных интересов. Но теперь следовало наладить заново делопроизводство в уфо и укрепить ряды его сотрудников надежными кадрами...

Иду клинскими улицами, приглядываюсь. Пока особых перемен за два года вроде бы незаметно. Те же в основном деревянные дома. Однако вон дымят трубы заводов, которые в 1923 году еще бездействовали. Теперь в них вдохнули новую жизнь. Побольше стало тротуаров и фонарей, поменьше грязи. Несколько раз попались по дороге ребятишки с красными пионерскими галстуками.

В укоме партии меня встретили приветливо. Оказалось, что на пост заведующего уфо уже назначили П. А. Девяткина, но у него нет заместителя. Так что появился я очень кстати. Оставался же здесь вместо предполагаемых пяти месяцев целых пять лет! Осенью, когда наступил срок отъезда в Москву, ни уком, ни уисполком и слышать о том не захотели. Мне сказали, что в мои 25 лет я успею еще поучиться, а пока что должен работать, как прежде; с руководством института же все будет согласовано...

Моим непосредственным начальником и ближайшим товарищем был Пантелеймон Андреевич Девяткин, 23-летний коммунист, энергичный и настойчивый парень. Его судьба во многом совпадала с моей. Девяткин работал на ответственной должности в Орехово-Зуеве, а потом в московской потребкооперации. В 1938 году, когда я стал наркомом финансов, его назначили первым заместителем наркома торговли. Далее он являлся заместителем председателя Государственной штатной комиссии Совета Министров СССР, заместителем председателя правления Торгбанка.

И вот вместе с ним мы стали расхлебывать кашу, оставшуюся от предыдущего «деятеля» в уфо. Беда заключалась в том, что значительная часть финансового аппарата оказалась связанной с частным капиталом и поощряла его, а потребкооперация и другие не нэпманские организации держались в черном теле и к осени 1925 года «дышали на ладан». Когда же речь заходила о государственном обложении налогами, уфо давал установку производить его по фиктивным торговым книгам частных, а налоговым инспекторам рекомендовал вести себя «по-божески» и не доискиваться реальной суммы нэпманских доходов. Девяткин занялся кадрами, я же решил начать с проверки отчетности фабрик и учреждений.

Берясь за налаживание четкого финансового контроля, я познакомился сначала с состоянием дела в профсоюзных кассах. Картина оказалась печальной. За отчетный 1924/25 год было растрчено свыше 5700 рублей. По предъявлению местным комитетам, виновным в упущении, официальных исков те покрыли только около 1150 рублей. Выяснилось, что некоторые профработники не видели разницы между своим и коллективным карманами. Особенно «отличились» предместкома профсоюза горнорабочих (разбазарил более 1000 рублей), секретарь уездного отдела профсоюза нарпитовцев (около 1000 рублей), председатель фабкома Первомайской шелкоткацкой фабрики (свыше 500 рублей). Пришлось передать их дела в суд.

Решительная деятельность нового состава уфо нашла энергичную поддержку у секретаря укома партии Ф. И. Любасова и председателя уисполкома П. М. Афанасенко. Федор Ильич Любасов был исключительно инициативным, решительным коммунистом, никогда не ждавшим «особых указаний» и рассматривавшим все, что происходило в стране, как неделимую часть своей жизни, без чего она теряла смысл в его глазах. Он был выдвинут затем на должность заведующего отделом сельского хозяйства МК ВКП(б), потом стал секретарем окружкома ВКП(б) Великолукского особого округа. Когда я его встретил в 1936 году на VIII Чрезвычайном съезде Советов, принимавшем новую Конституцию СССР, мы долго вспоминали события одиннадцатилетней давности, наши почти непрерывные заседания поздними вечерами, когда обсуждалось состояние уездных финансов, а затем упорную борьбу с «левым уклоном» в ВКП (б).

Член Коммунистической партии с 1909 года Павел Михайлович Афанасенко сохранился в моей памяти как человек большой культуры, тактичный и очень толковый. Вместе с Любасовым они составили отличную пару уездных руководителей, немало содействовавших налаживанию успешной работы по восстановлению народного хозяйства, организации социалисти-

ческой промышленности и подъему культуры в Клину и уезде. Оба они возглавляли у нас борьбу с «левыми», не раз выступали на партийных собраниях в уезде, разоблачая троцкистов. Когда после разгрома троцкистов Любасова перевели в Москву, а секретарем укома партии стал близкий к «правым» уклонистам Аполлонов, Афанасенко не смог с ним сработаться. Его обращения в МК ВКП(б) не дали результата, ибо тогдашнее руководство МК (Угланов, Котов) само грешило «правыми» взглядами и поддерживало бухаринскую платформу. И хотя Аполлонов пробыл в Клину сравнительно недолго, Афанасенко еще раньше пришлось перейти на другую работу.

Как-то раз Любасов и Афанасенко после долгого заседания решили пройтись по городу и пригласили с собою меня. Мы шли центральной, потом боковыми улицами. Прогулка затянулась. Ни для кого из нас не составляло секрета преобладание нэпманов в торговле. Однако когда мы втроем обошли весь город, то воочию убедились, что повсюду висят торговые вывески частников, а потребкооперации почти незаметно. В чем дело? Почему потребкооперация сдает позиции, а частник наступает? Мне поручили срочно разобраться в этом и представить свои соображения.

Поговорил с людьми. Снова проверил документацию. Картина начала проясняться. Только еще становившаяся на ноги социалистическая торговля там, где речь шла о товарах широкого потребления, пока не выдерживала конкуренции с нэпманами. Они давили на кооперативы. Между тем советские законы предоставляли кооперативам такие права и льготы, которых у нэпманов не было. Использовались ли в Клину эти права? Увы, очень слабо.

Так что же предпринять? В то время дважды в год платили налог – промысловый и подоходный. И вот при очередном обложении, вооружившись заранее более точными сведениями о доходах частных лиц, уфо пересмотрел размеры взимаемых сумм и повысил их. В течение года, сдав былые позиции, примерно четверть клинских нэпманских торговых точек прекратила свое существование, а их место заняла потребкооперация. Казалось, мы добились желаемого. Но приехавший из губфинотдела старший ревизор предъявил уфо претензии, почему в уезде стало меньше торговых заведений, и потребовал в корне изменить нашу финансовую политику.

В уезде работали тогда четыре финансовых инспектора. Двое из них были членами ВКП(б). Коммунистом был и член ревизионной комиссии укома, финагент Михаил Васильевич Засосов, решительно поддержавший своих товарищей. Против них выступили два пожилых инспектора, являвшиеся до революции податными служащими. Податным служащим в прошлом оказался и приехавший ревизор. Беседуя с молодыми инспекторами с глазу на глаз, он начал нажимать на них, требовать скидок по отношению к нэпманам и угрожать за то, что те «переобложили» частника. Один из инспекторов не поддался. Другой не выдержал, признал свою «ошибку» и сослался на мои указания.

Тогда ревизор перенес «огонь» на меня. Я был в то время уже заведующим уфо, членом президиума уисполкома и членом бюро укома. Ревизор составил акт, в котором уфо предъявлялись серьезные обвинения. Акта я не подписал, с результатами ревизии не согласился и остался при своем мнении. А через две недели в налоговом управлении губфинотдела был назначен мой доклад о финансовом положении в Клинском уезде.

Почти весь доклад я посвятил вопросу о соотношении реальных налогов с запланированными в местном бюджете и борьбе в нашем уезде государственной торговли с частной. Засилье нэпманов охарактеризовал как следствие гнилого руководства, которое ранее царило в уфо, и попросил незамедлительной помощи от вышестоящих органов, а потом потребовал, чтобы в Клин больше не присылали таких ревизоров, которые запугивают советских работников и фактически содействуют классовым врагам. Не важно, говорил я, кто будет дальше заведовать уфо. Если я не гожусь, снимайте с работы. Но классовая линия должна строго выдерживаться, социалистический сектор – встречать помощь, а частник – систематически вытесняться.

Губернский отдел признал налоговую политику нашего уфо правильной. Ободренный этим, я пригласил начальника налогового управления К. А. Байбулатова приехать в Клин и посмотреть, как обстоит дело с частной торговлей. Тот приехал. Пошли мы с ним в один большой магазин. Каково же было наше удивление, когда владельцем его оказался... бывший адъютант Байбулатова в годы гражданской войны. «Как! – воскликнул Кафис Алеутинович. – Красный боец стал нэпманом?» Он не стал дальше осматривать торговые заведения и тотчас возвратился из уезда в Клин. Прощаясь, сказал: «Вы во всем правы, действуйте в том же духе, а мы вам поможем». Действительно, поддержку оказали незамедлительно, причем провели чистку аппарата и в губфо. Места скомпрометировавших себя работников заняли главным образом коммунисты.

Не нужно думать, что дело сразу же пошло как по маслу. Частный капитал всячески изворачивался, пытался спастись под фальшивыми вывесками, маскировался и хитрил. Приведу один пример. В Клину существовало нэпманское «Торгово-промышленное товарищество». В его правление входило 11 членов. Согласно уставу заведения основной капитал составили 11 тысяч рублей из равных паевых взносов учредителей. Объединение включало ряд торговых точек, а также мелкие промышленные предприятия – колбасные, кондитерские и т. д. Каким же образом такой небольшой суммы хватало для организации столь обширной деятельности? Как явствовало из проверенных лично мною бухгалтерских книг, кредитом со стороны товарищество не пользовалось. Зато при проверке попутно обнаружилось, что из 11 членов правления трое – в прошлом жандарм, монах и биржевой маклер. Пахло крупным жульничеством. Доходов должно было быть много, налоги же товарищество платило грошовые. Мало того, члены правления нагло требовали предоставления им льгот как кооперативу, хотя речь шла фактически о частной корпорации.

Решил перепроверить свои выводы и поручил инспектору еще раз проверить бухгалтерские книги. Вскоре тот доложил, что никаких записей по кредитам или ссудам в книгах не содержится. Ясно: в товариществе действует подпольный капитал, не проведенный по отчетам. Но как его выявить? Известно, что перед праздниками торговые обороты резко возрастают. И вот накануне десятой годовщины Великого Октября я распорядился проконтролировать наличие товаров на всех предприятиях и складах этого товарищества. Получилась кругленькая сумма – до 200 тысяч рублей. А ведь уставной капитал – в 18 раз меньше. Чудес в нашем деле не бывает. Значит, бухгалтерские книги ведутся нечестно, а имеющиеся в них сведения фальшивы.

Тогда я договорился с уполномоченным ГПУ, что местные чекисты помогут нам, если понадобится. Сначала я сам вызову на собеседование бухгалтера, а если ничего не добьюсь, то будет проведен официальный допрос. Бухгалтером в объединении был служащий со стороны, работавший по найму член профсоюза. Поэтому я говорил с ним по-товарищески и просил объяснить, в чем дело. Однако он сначала все отрицал, не подозревая об имевшихся у нас данных. Когда же я припер его к стене, он признался, что помимо паевого капитала функционирует еще дополнительный в размере 70 тысяч рублей, принадлежащий члену правления Моисееву. На эту сумму имеются векселя.

Часа через два векселя лежали в уфо. Почему же они не проведены через бухгалтерские книги? Слышу ответ: Моисеев запретил. Я укорил служащего: итак, член советского профсоюза, забыв об интересах государства, служит частнику и занимается махинациями? Тут бухгалтер разрыдался и признался, что Моисеев купил его за подачки, передававшиеся непосредственно из рук в руки. Он согласился изложить все на бумаге, после чего уфо на законном основании пересмотрел обложение товарищества подоходным налогом за три предыдущих года. Начисленная сумма оказалась крупной, причем большая ее часть легла на Моисеева, ибо основной капитал объединения принадлежал фактически ему. Ряд членов правления был привлечен за мошенничество к судебной ответственности.

В товариществе начались раздоры. Каждый хотел выйти сухим из воды. Все перекладывали вину на Моисеева. Налог превысил имевшуюся у него сумму движимого имущества, и пройдоха обанкротился. Теперь его недвижимое имущество подлежало конфискации для возмещения государственных убытков. Через несколько дней Моисеев записался ко мне на прием.

Обильно проливая крокодиловы слезы и утирая их красненьким шелковым платочком, этот тип просил о снисхождении, ссылаясь на «честно нажитые деньги». Он не знал, что мне к тому времени уже было известно происхождение его капитала: Моисеев присвоил деньги двух высокопоставленных лиц из рядов черного духовенства. Когда началась революция, монахи, испугавшись, передали ему свои драгоценности на хранение, а назад потом не получили. Тем не менее я, напомнив Моисееву, каким финансовым «пигмеем» был он некогда, прямо спросил, откуда взялись у него столь крупные средства.

– Работал день-деньской, как лошадь, все жилы из себя тянул, постепенно накопил.

– Перед вами сидит не девица из пансиона, а финансист. Давайте посчитаем вместе. Рассказывайте, где и на чем заработали?

– Да разве все упомнишь? А записей я не вел. Кабы знал, что придется отчитываться...

– А почему не вернули монахам переданные вам на хранение сокровища?

Этого вопроса Моисеев не ожидал. Он затрясся и несколько минут не мог вымолвить ни слова, а потом стал молить меня пощадить его и Христа ради не разорять.

Потом я узнал, что Моисеев заходил еще к фининспектору и тоже просил о снисхождении. Инспектор порекомендовал ему обратиться ко мне. «Зачем напрасно ходить к Звереву? Все равно не уступит. Недаром Господь ему такую фамилию даровал», – отрубил делец. Так закончила свое существование последняя в Клину крупная частная фирма.

Когда я стал председателем уисполкома, то вместе со всеми товарищами по работе постарался ускорить претворение в жизнь в нашем уезде тех мер, которые наметила Советская власть для укрепления государственно-кооперативного сектора. Для этого мы по-прежнему использовали возможности, имевшиеся у уфо. Когда же я приезжал в Москву, обязательно заходил с просьбой о расширении кредита кооперативам в различные финансовые учреждения. Должен заметить, что я всегда находил при этом поддержку в аппарате наркомфина СССР Николая Павловича Брюханова.

Главную роль в успешном развитии советской кооперации как во всем СССР, так и у нас в уезде сыграли, однако, не усилия отдельных лиц, а общая политика партии и правительства, нацеленная на осуществление ленинского кооперативного плана. 1928 год стал временем резкого подъема клинской потребкооперации, которая была рабочей и сельской. В уезде было четыре рабочих потребительских общества: Владыкинское, Зубовское, Клинское и Фофановское. Крупнейшим из них в 1928 году было Владыкинское, находившееся в Высокове. Оно включало 14 предприятий и насчитывало 5350 членов. Председатель общества Важнов умело руководил его деятельностью, заботясь об интересах трудящихся. Сельских обществ в уезде имелось первоначально 40, но все они были сравнительно мелкими.

Особое место занимали кооперации – промысловая и жилищная. Последняя (8 обществ) существовала тогда при фабриках, заводах или железнодорожных станциях. Промысловые заведения (37 артелей) были разбросаны по всему уезду. Их члены изготавливали обувь, тесьму, металлические сетки, бахрому, гвозди, стеклянные изделия, работали ткачами (вручную), кирпичниками, портными и шорниками, наконец, были охотниками. Рост социалистической крупной индустрии, а также местной промышленности постепенно вытеснил их, и позднее там сохранились в качестве артельщиков-профессионалов лишь портные и сапожники, да и то только в городах.

Переломным оказался у нас, как и по всей стране, 1929 год. Мы это почувствовали особенно остро, ибо в Клинском уезде период восстановления народного хозяйства несколько затянулся и завершился не в 1926 году, как в большинстве районов СССР, а в 1927-м. Поэтому

начало периода реконструкции, во всесоюзном масштабе совпавшее с концом общего восстановления, в Клину фактически пришлось на иное время. Зато потом реконструкция пошла у нас очень энергично. Сказалось это и на средствах, которые можно было вложить в местную экономику. Для сравнения приведу два примера. Первый относится к 1925 году, а второй – к 1929 году.

Еще весной 1924 года паводком снесло Клинскую городскую гидростанцию. Машины удалось спасти, а под станцию временно переоборудовали мельницу. Уезд получил ссуду на восстановление утраченного и отстроил новое помещение. Электроэнергии производилось всего 70 киловатт, по нынешним масштабам – мизерное количество. Тем не менее «лампочки Ильича» светили в главных городских учреждениях и в ряде домов. И вдруг через год очередное половодье превращает новостройку в руины. Уездный бюджет был тогда небольшим. Приближался срок погашения ссуды, а платить было нечем. К тому же и света нет. Уисполком направил меня в Москву просить о списании ссуды или хотя бы об отсрочке платежа.

Прихожу в губисполком. Его председатель К. В. Уханов, в прошлом рабочий, всегда проявлял к трудовым людям уважение и внимание, был культурным и очень скромным человеком, выдержанным и спокойным в разговоре, большим организатором и хорошим хозяйственником. Сейчас он как раз вел прием «челобитчиков». Подходит моя очередь. Я описываю в ярких красках все случившееся и прошу о финансовой помощи, ссылаясь на грозного кредитора – ВЭТ (Всесоюзный электрический трест), которому мы задолжали. Сомневаюсь, что тут подействовал мой трогательный рассказ о бедствиях провинциалов. Скорее помогло то, что раньше Уханов был председателем как раз этого треста и знал имеющиеся у того возможности. Любивший считать народную копейку и никогда не пускавший ее на ветер, он на сей раз отнесся к событию более чем сочувственно и помог нам списать ссуду. Правда, напутствие, которое я услышал от Уханова, врезалось мне в память на всю жизнь:

– Учтите, если у вас и дальше будут ежегодно случаться такие аварии, то уездных руководителей тоже может смыть вода или еще какая-нибудь стихия.

А теперь перенесемся мысленно во второй год первой пятилетки. Ее план, утвержденный в апреле 1929 года XVI Всесоюзной конференцией ВКП(б), предусматривал сооружение 518 крупных предприятий. Клинский уисполком, председателем которого я был тогда, настойчиво доказывал необходимость возведения у нас большого завода или фабрики. Мы мотивировали свое предложение довольно убедительно: наличием значительных резервов рабочей силы, энергетических ресурсов (много торфа), технологического сырья (обширные леса). Правда, и сумма, необходимая для осуществления строительства, выглядела гигантской, в сотни раз превышая ту, которая висела долгом над былой ГЭС. Однако у нашего государства уже были на это средства. Поэтому и наши уездные пожелания одобрили. В 1929 году состоялся митинг, посвященный закладке вискозной фабрики. Мне довелось открывать его, и я отчетливо помню радостные и возбужденные лица тысяч моих земляков, собравшихся на общее торжество, и стоявших на трибуне представителей ВСНХ, которые прибыли из Москвы. Уже в начале 30-х годов предприятие давало высококачественную продукцию. В годы Великой Отечественной войны, отступая из этих мест под стремительными ударами Красной Армии, фашисты не успели его взорвать, хотя и заложили фугасы. Фабрика быстро вступила вторично в строй, затем расширилась и сейчас является гордостью Клинского района.

1927–1928 годы были напряженными, боевыми, наполненными до отказа разнообразной и безотлагательной работой. Чтобы дать читателю представление о том, чем мы тогда занимались, приведу краткий перечень проделанного. За два года было завершено восстановление и начата реконструкция всей уездной трестированной промышленности. В ее капитальное переоборудование вложили крупные денежные средства. Число рабочих увеличилось на 28 процентов, их зарплата возросла на 17 процентов, валовой продукции произвели больше, чем в 1926 году, на 74 процента. Оборот кооперативной торговли вырос на 19 процентов, число членов

потребкооперации – на 30 процентов, уездный бюджет – с 1,85 миллиона рублей до 2,187 миллиона рублей (на 18 процентов). Артелей на селе было 76, стало 146. Построили семь новых больниц. Начали борьбу за поголовную ликвидацию неграмотности.

Я не уверен, что каждый читатель задумается над этими цифрами. Кое-кто, вероятно, просто пробежит их глазами. Но для моих современников за ними стоят трудные дни, а порой и не менее трудные рабочие ночи, заботы и хлопоты, думы и переживания...

Не хватало товаров ширпотреба. Местная промышленность работала с перебоями. Промторг приносил убытки. Тресту «Пестроткань» недоставало сырья, и на Завидовской фабрике из-за этого случались простои. Сезонных рабочих, особенно на торфоразработках, не полностью обеспечивали продуктами. Высоковская фабрика перешла на 7-часовой рабочий день, а смены наезжали одна на другую. На Зубовской фабрике взорвался газогенератор, на Нудольской сломался электромотор, на Высоковской остановилась паровая машина в прядильной. Износились паросиловые установки. В уезде 2800 безработных. И что бы ни произошло, люди идут в первую очередь в уком ВКП(б) и уисполком, обращаются к своей партии и к Советской власти. Так изволь же думать, товарищ председатель! Тебе народ доверил пост – оправдай доверие. И не ссылайся на объективные причины. Разве другим не трудно? Выполняй долг коммуниста и шагай в ногу со всей страной. Как поется в песне чекистов: «Не сдать, не сдать, не сдать, а победить!»

Если бы меня спросили, какой из этапов моей жизни в 20-е годы был самым трудным и в то же время самым поучительным, я, не колеблясь, назвал бы те два года, когда работал председателем исполнительного комитета уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Ресурсы для построения социализма

«Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно...» – вот чеканные слова из знаменитой работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». Этот труд исключительно насыщен важными мыслями и по праву принадлежит к тем ленинским работам, которые на долгие годы вперед определили практически деятельность наших партийных и государственных органов и во многом обосновали ее теоретический фундамент. Не раз вчитывался я снова и снова в строчки этой статьи и впоследствии. «Очередные задачи Советской власти» содержат, в частности, ряд существенных положений, которые служат ориентиром и для нас, финансистов.

Жизнь все время выдвигала новые сложные задачи, и в решении их труды Ленина были верным и неизменным компасом. Помогало и критическое осмысливание прошлого, старый опыт.

Два года я работал председателем уфо и два – председателем уисполкома. Практически же эти годы сливаются воедино, ибо в течение всего этого времени в центре внимания оставались уездный бюджет и налоговая политика. Это и понятно: успех политики индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства определялся в значительной степени материально-денежными ресурсами.

Как известно, Коммунистическая партия отвергла возможность получения иностранных займов на грабительских условиях, а на «человеческих» капиталисты не хотели нам давать. Таким образом, обычные для буржуазного мира методы создания накоплений, необходимых для реконструкции всего хозяйства, в СССР не применялись. Единственным источником создания подобных ресурсов стали у нас внутренние накопления – от торгового оборота, от снижения себестоимости продукции, от режима экономии, от использования трудовых сбережений советских людей и т. д. Советское государство открывало нам здесь различные возможности, которые присущи только социалистическому строю. А поскольку этот строй еще только утверждался, каждый легко представит себе, почему вопросы о денежных ресурсах даже в нашем провинциальном углу не сходили с повестки дня ни в уфо, ни в уисполкоме, ни в укоме ВКП(б).

Важным элементом финансовой политики диктатуры пролетариата было в начале 20-х годов налогообложение эксплуататоров, частных промысловым налогом.

Другой налог, подоходно-поимущественный, взимался в начале 20-х годов со всех доходов частных лиц, а с трудившихся по найму рабочих и служащих – при превышении их заработком установленной нормы. Уплата производилась раз в полгода по ступенчато-прогрессивной шкале ставок.

Чтобы ограничить доходы нэпманов и расширить бюджетные ресурсы, изменили порядок взимания этого налога, превратив его в основной и дополнительный. Плательщики первого делились на лиц, работавших по найму; работавших не по найму; получавших нетрудовые доходы; юридических лиц (частные акционерные общества и паевые товарищества). Рабочие и служащие обладали необлагаемым минимумом – 75 рублей месячной зарплаты (в деньгах того времени). Получавшие до 100 рублей в месяц платили раз в полгода 3 рубля 60 копеек (нижний предел). Наконец, с совокупного дохода, превышавшего определенный размер, взимался дополнительный налог от 2 до 25 процентов дохода, причем основной налог засчитывался при уплате.

Далее, вместо отмененного поимущественного налога повысили ставки подоходного, особенно за счет дообложения крупных доходов и введения надбавки в пользу местного бюджета в размере 25–50 процентов суммы налога на всех лиц, кроме трудящихся. Нэпманы платили от 6 до 250 рублей (по разным патентам). По-прежнему освобождались от налога рабочие

и служащие с ежемесячной зарплатой до 75 рублей, пенсионеры, военнослужащие и учащиеся. Взимались также налог с наследства, военный налог, гербовый сбор, земельная рента и ряд местных налогов. В рамках госбюджета налогам принадлежал тогда большой удельный вес, снизившийся от 63 процентов в 1923 году до 51 процента в 1925 году.

Если вкратце обобщить все эти цифры, дав им социально-политическую характеристику, то нужно будет сказать, что налоги служили тогда не только источником государственных доходов, но и средством укрепления союза рабочих и крестьян, источником улучшения жизни трудящихся города и деревни, стимулирования деятельности государственно-кооперативного сектора в экономике. Таков был классовый смысл финансовой политики Советской власти.

Полученные доходы шли на восстановление народного хозяйства, потом – на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Пока наша промышленная база была слабой, поневоле приходилось время от времени обращаться к зарубежным фирмам и приобретать у них станки, машины и оборудование, тратя на это ограниченные запасы валюты. Не раз бывало, что капиталисты, думавшие о наживе и ненавидевшие СССР, пытались сбыть нам гниль или бракованные изделия. Много шуму наделал случай с американскими авиационными моторами «Либерти». Наши самолеты, на которых поставили моторы из партии, закупленной у США в 1924 году, неоднократно терпели аварию. Анализ показал, что эти моторы уже были предварительно использованы. С каждого из моторов соскоблили надпись «К эксплуатации непригоден» и продали нам. Позднее я, когда работал в Наркомате финансов СССР, не раз вспоминал этот случай. Он очень характерен для капиталистов, особенно в вопросах, где речь идет о получении выгоды любыми средствами...

Перелому в общегосударственном масштабе помогли и новые принципы построения кредитной системы. С 1927 года руководить ею от начала и до конца стал Госбанк. Отраслевые банки превратились в органы долгосрочного кредита, а Госбанк – краткосрочного. Это размежевание функций наряду с усилением контроля за использованием ссуд наткнулось на препятствие в виде наличия коммерческого вексельного кредита. Поэтому в течение двух лет были введены иные формы расчетов и кредитования: чековое обращение, внутрисистемные расчеты, прямое кредитование без учета векселей.

Бедняцкие и середняцкие массы деревни, после начала коллективизации сельского хозяйства, втягивались через кредитную систему в социалистическое строительство, для чего привлекались как бюджетные ассигнования, так и ресурсы Сельхозбанка. Если кто-нибудь из финансовых работников пытался взимать проценты по ссудам сверх ставок, мы квалифицировали это как уголовно наказуемое ростовщичество. На вкладчиков из кредитно-кооперативных товариществ распространили льготы, предоставлявшиеся вкладчикам гострудсберкасс. Началось интенсивное производственное кредитование колхозов. Советская власть рублем помогала осуществлению ленинского кооперативного плана.

Огромной школой всесоюзного масштаба явилась для всех советских граждан первая пятилетка. Раньше мы работали по годовым планам. В перспективном планировании закладывались основы нашего умения ставить в будущем перед страной еще более грандиозные проблемы. Первая пятилетка была трамплином последующих взлетов, а на ее уроках, со всеми ее гигантскими достижениями и отдельными, хотя и чувствительными просчетами, учились кадры. Наступление социализма развернулось по всему фронту. Аграрная Россия превращалась в индустриально-аграрную державу. И финансы наряду с реконструируемой промышленностью и коллективизируемым сельским хозяйством вносили в общее дело свою лепту. На основе решения февральского Пленума ЦК ВКП(б) 1927 года мы боролись за резкое снижение цен. Затем на повестку дня встали осуществление строжайшего режима экономии, сокращение излишеств в государственном аппарате, упразднение лишних звеньев в товаропроводящей сети, ненужных филиалов и представительств, максимальное накопление товарных и денежных резервов.

В апреле 1927 года постановлением ЦИК СССР с нового окладного года вводился единый сельскохозяйственный налог на лиц, занимающихся сельским хозяйством, а также на коммуны, артели, товарищества и совхозы, получающие доход от полеводства, луговодства, скотоводства, огородничества, бахчеводства, виноградарства, садоводства, табаководства, пчеловодства и связанных с деревней неземледельческих заработков. Всякие надбавки к этому налогу были запрещены, а по его окладному листу не разрешалось взимать одновременно иные налоги.

Уисполком потребовал от Клинского уфо провести в течение двух месяцев собрания во всех деревнях, познакомить на них население с постановлением, затем представить данные о доходности и сроках уплаты налога по волостям и проверить списки освобождаемых от уплаты. Все лето ушло на составление перечней налогоплательщиков, рассмотрение различных спорных вопросов и подготовку нового отряда налоговых работников низшего звена для деятельности на местах.

В самый разгар этих мероприятий нас внезапно застигло непредвиденное событие. Бесконечные империалистические провокации против советских представителей за рубежом и массовые разговоры о возможной войне блока буржуазных стран против СССР вызвали среди части граждан панику. Началась повальная закупка муки и сахара. Кулаки и кое-кто из середняков стали придерживать у себя товарный хлеб и не пускать его в продажу. По указанию партийных органов пришлось проводить специальную разъяснительную кампанию. Слухи улеглись только через несколько месяцев...

Шла вторая половина 1929 года. В то время был уже решен вопрос о новом районировании СССР, о перестройке административно-территориальных образований и, соответственно, реорганизации местных партийных и советских органов. Новые области были больше прежних губерний. Так, Московская включила в себя бывшие Московскую, Рязанскую, в значительной мере Тульскую и Тверскую, частично Калужскую губернии. Не менее крупной оказалась и Центрально-Черноземная область.

Уезд, в котором я работал, был расформирован. Я был вынужден задержаться в Клину на некоторое время как председатель местной комиссии по реорганизации и передаче хозяйства в формируемые округа.

Побыл я на августовском областном съезде Советов в Москве, где подводились итоги реорганизации. По окончании съезда я получил направление на учебу в Ленинградскую финансовую академию. Однако в Москве мне сообщили, что по партийной мобилизации, проведенной ЦК ВКП(б), я должен отправиться в Западную область. И вскоре поезд примчал меня к смоленским холмам.

Борьба за колхозы

Успешное выполнение пятилетнего плана ставило перед финансами все новые задачи. Росли гиганты социалистической индустрии. В колхозы двинулись середняки, и в коллективизации произошел великий и желанный перелом. Следовало думать о перестройке кредитного дела в стране. Требовалось позаботиться о лучшей организации социалистического накопления средств и более полной мобилизации ресурсов, о дальнейшем укреплении советского рубля и повышении его покупательной способности. А это влекло за собой неизбежность перестройки звеньев финансового аппарата. Предстояло осуществить кредитную и налоговую реформы, создать специализированную по различным отраслям систему финансирования, наладить контроль за использованием средств в капитальном строительстве, пересмотреть статьи бюджетных доходов и расходов.

Объективными предпосылками возможности осуществления этих задач явились вытеснение частного капитала социалистическим сектором, ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, внедрение хозяйственного расчета, повышение общегосударственной роли планирования. Важное место в экономике занял кредитный план. Правда, в то время он еще не был развернутым, составлялся лишь на квартал.

Не только Госбанк, но и различные хозорганизации занимались краткосрочным кредитованием. А ведь от этого зависел характер эмиссии денег, то есть проблема общегосударственного масштаба. С другой стороны, в хозяйственном обороте создавалась мнимая картина: бешено функционировали векселя, а за этим бумажным круговращением не проглядывалось движение товаров. И постепенно Госбанк под напором жизни все шире переходил к прямому целевому кредитованию. Ссуды такого рода уже осенью 1929 года перевалили за 40 процентов общей суммы краткосрочных вложений. Интенсивнее стали применяться безналичные расчеты через банки, особенно в синдицированной союзной промышленности. Оставалось лишь ликвидировать все промежуточные звенья между банком и заемщиком, полностью сосредоточить в Госбанке краткосрочное кредитование, широко распространить перевод средств путем безналичных расчетов и создать новый финансовый аппарат для обслуживания капитальных вложений.

Так по инициативе партии началось проведение кредитной реформы параллельно с осуществлением в те же 1929–1930 годы налоговой реформы, перестройкой системы товарооборота, переводом предприятий на хозрасчет и реорганизацией управления промышленностью. Растянулась кредитная реформа на два с лишним года. Первыми ее шагами явились разнообразные практические меры в связи с решением ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 года «О реорганизации управления промышленностью», постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 года «О кредитной реформе», унификацией в феврале 1930 года всех старых займов и обменом их облигаций на облигации нового займа «Пятилетка в четыре года» и, наконец, постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 мая 1930 года о переходе от долгосрочного кредитования большинства предприятий к безвозвратному финансированию капитальных вложений за счет ассигнований из бюджета.

Финансовый аппарат в центре и на местах энергично взялся за новую работу. Наладить ее сразу же, как нужно, полностью не удалось. Обнаружились недостатки, вина за которые лежала, как указал ЦК партии, преимущественно на Госбанке.

Избавиться от этих недостатков удалось в 1931 году, когда партия и правительство, справедливо вмешавшись в деятельность банков, устранили помехи. А пока что перестройка финансовой системы со всеми ее гигантскими плюсами и попутными минусами не оставляла нам ни одного дня для «раскачки», требовала максимальной отдачи сил и времени.

Расскажу, в частности, как наше Смоленское налоговое управление стремилось помочь государству проведением четкой линии в налоговой политике. К 1930 году уровень обложения лиц, имевших нетрудовые доходы, был почти в 6 раз выше уровня обложения рабочих и служащих. Зарабатывавший ежемесячно до 200 рублей платил по налогу в среднем только 1,44 процента дохода, до 1000 рублей – 11,07, до 3000 рублей – 27,2 процента. Для владельцев торговых предприятий и лиц с нетрудовыми доходами – резкий скачок: соответственно 14,1, 61,2; и все 100 процентов!

Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 февраля 1930 года «О введении в действие Положения о едином сельскохозяйственном налоге» предоставляло колхозам значительные льготы по обложению, устанавливало для них пропорциональные ставки, а облагаемый доход требовало определять не по нормам, а по годовому отчету. Колхозников облагали по доходам только от подсобного хозяйства, а не от обобществленного. С кулаков же налог взимался в индивидуальном порядке по особой шкале ставок (до 70 процентов). В 1930 году колхозник в среднем платил налоговых 3 рубля 10 копеек, трудящийся единоличник – 13 рублей 50 копеек, кулак – 361 рубль.

Колхозы крепили. Увеличивалось также кредитование сельхозартелей. До 1929 года в губерниях будущей Западной области лишь 5 процентов кредитных сумм ссужались коллективным хозяйствам, а 95 процентов – индивидуальным. Хлеба в этих районах своего не хватало. Его ввозили ежегодно до 20 миллионов пудов. Урожайность была там очень низкой: 44 пуда (немногим более 7 центнеров) ржи с гектара. Многополье только еще внедрялось. Потребовались крупные денежные затраты. В деревню были посланы сотни специалистов. В полный голос заявили о себе государственные машинно-тракторные станции, давшие сельским артелям необходимую технику.

Полностью реорганизовали дело в Ржевском округе, крупнейшем в СССР по льноводству. Затраты на льноводство увеличили в 4 раза. В 1928 году в районах будущей Западной области имелось всего 500 кооперированных льноводов, а к концу 1929 года – 19 тысяч. Начали выращивать сортовые льносемена («псковский долгунец»). Поскольку в области работали тогда 799 агрономов и 730 землеустроителей, а требовалось 972 и 1792, резко расширили фонд зарплаты. Решительно претворялось в жизнь постановление о темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству. И не случайно в результате всех осуществленных мер к весне 1930 года число кооперированных крестьян выросло в Западной области по сравнению с осенью 1929 года в 4 раза. Важную роль сыграла организация Смоленской машинно-тракторной станции. Вскоре здесь появились и другие МТС.

Как и всюду, при проведении коллективизации не обошлось без трудностей. Для проверки ее хода обком и окружкомы ВКП(б) выделили уполномоченных. Я и еще один коммунист были направлены в марте 1930 года в Сафоновский район. Прибыли в райком партии, знакомимся с его секретарем, потом – с председателем райисполкома. Интересуемся, как идут дела. Пожилой председатель исполкома, улыбаясь, помалкивает. Молодой секретарь райкома, с медью в голосе и уверенно жестикулируя, бодро сообщает:

– Уже заканчиваем!

– Что заканчиваете?

– Сплошную коллективизацию. В колхозы вступило 98,5 процента трудовых крестьян.

– Почему столь высокие темпы? Хотите закончить досрочно? А у вас не дутые проценты?

– Какие же дутые? Вот сводки из сельсоветов. Мы бы еще вчера закончили, если бы не статья.

– Какая статья?

– Статья товарища Сталина «Головокружение от успехов». Крестьяне читают ее и кричат, что коллективизации дается отбой. Ну ничего, дошибем!

– Что дошибете?

– Стопроцентную коллективизацию.

– А вы побывали где-нибудь в деревнях или на хуторах, где проводится коллективизация?

– Кое-где были, да не всюду, не успеваем руководить, не то что регулярно выезжать на места.

Мы смотрим на председателя. Тот слегка пожимает плечами и отворачивается. По-видимому, далеко не все так благополучно, как выглядит по сводке. А секретарь райкома тут же сообщает, что через час состоится торжественный митинг по случаю окончания сплошной коллективизации. Не выступят ли товарищи из области? Нет, отвечаем, пока мы в ваши дела еще не вникли, выступать не можем, но охотно поглядим и послушаем, что скажут другие. Начинается митинг.

Площадь забита людьми. Откуда столько набралось? Председатель объясняет: одних только уполномоченных из области и своих, районных, свыше 400 человек. Кроме того, временно прервали занятия в Щемилинском сельскохозяйственном техникуме, а учащихся привезли на митинг.

– Позвольте, а где же они тут живут?

– А мы, – отвечает, – тоже временно, прервали занятия в общеобразовательной школе и поселили там приезжих.

– Здорово, – говорю, – вышли из положения! Действительно, хозяева района, да и только!

Председатель исполкома покрылся румянцем. А секретарь райкома уже держит речь. Покровительственно улыбаясь, на все лады хвалит тех уполномоченных по проведению коллективизации, кто дал наивысшие проценты, и именует их «героями нашей эпохи» и «большевистскими двигателями внутреннего сгорания». Толпа всякий раз разражается громом аплодисментов. После митинга мы решили отправиться на хутор (Сафоновский район почти сплошь был хуторным).

Недалеко от первого хутора показалась группа людей. Казалось, что все остальные бежали за кем-то одним. Так оно и было на самом деле. Убегавший от толпы человек, без пальто и без шапки, с папкою в руках, с разбегу прыгнул в наши сани, а остальные люди остановились, выжидательно глядя на нас. Выяснилось, что это председатель местного колхоза, а в папке у него заявления крестьян о приеме в колхоз. Теперь они требуют их назад. Все это было бы очень смешно, если бы не было грустно. Услышав, что мы из области, крестьяне успокоились и просили нас выяснить, могут ли они выйти из колхоза.

Рассказ председателя был короток. Оказалось, что в местном колхозе довольно давно уже работали 25 семейств. Настроены они были твердо, сроднились с артелью и оставлять ее не хотели. А за последние два месяца, в ходе кампании, в колхоз были вовлечены остальные 90 крестьянских семейств, проживавших на территории этого сельсовета. Когда крестьяне узнали о статье Сталина, вновь вступившие в колхоз заколебались, потянули за собой остальных. Не обошлось и без подстрекательства со стороны кулаков. Дело дошло до прямого конфликта.

Обсудив втроем создавшееся положение, мы договорились, что соберем общее собрание членов колхоза и начнем с разъяснения статьи и постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Сельсовет находился в другом селении, и мы попросили одного из хуторян предоставить под собрание свой дом. Пришли все 115 колхозников и члены их семейств. Большая изба была битком набита людьми, но все равно всем места не хватило. Несмотря на мартовский холод, раскрыли окна, чтобы оставшиеся во дворе могли слышать, о чем пойдет речь. Вслед за разъяснением последних решений партии о ходе коллективизации слушателям объявили, что желающие могут взять свои заявления обратно и покинуть собрание, так как в решении остальных колхозных вопросов они участвовать не могут. К столу потянулась вереница. Но, забрав заявление, никто не уходил.

Собрание растянулось на целые сутки. Дважды расходились на полуторачасовые перерывы, а потом собирались снова. Любопытно, что все время присутствовали и те, кто вышел

из колхоза. Видимо, всем было очень интересно выяснить, как же разрешатся злободневные вопросы пахоты и сева. Мы не торопились. Общими усилиями подсчитали, сколько осталось в колхозе лошадей и плугов, сколько имеется семян. Создали семенной фонд, распределили обязанности между колхозниками, избрали бригадиров, наметили, когда приступать к пахоте. После собрания к председателю подошли человек двадцать и попросили снова принять их в колхоз. Это была уже победа. Как мы узнали, позднее к ним присоединились и другие.

Перегибы не в меру торопливых местных властей давали себя знать и на других хуторах. Однако постановление ЦК ВКП(б) помогло исправить положение.

Хочется попутно заметить, что не могу спокойно относиться к тому, как иногда, ссылаясь на подобные рассказанным мною факты, кое-кто, кивая на местные просчеты, пытается охаять идею коллективизации сельского хозяйства и ее значение для нашей страны. Глубоко убежден, в частности, что, не проведи партия коллективизацию, Советский Союз не смог бы своевременно построить социалистическое общество. Наличие в СССР колхозного строя – несомненно, один из самых важных факторов нашей победы в Великой Отечественной войне. Были, конечно, как и во всяком большом деле, ошибки. Но нам не с кого было брать пример и не у кого учиться, ибо мы в этом деле, как и во многих иных, были первыми и прокладывали дорогу другим.

Партчистка

Одно из крупных общепартийных мероприятий, в котором мне пришлось участвовать тогда несколько раз, хотя и с перерывами – с осени 1929 года по весну 1930 года, – партийная чистка. Во время ее проведения обнаружилось немало огрехов в нашей работе. Классовая борьба была не пустым звуком, а повседневным явлением. Она наполняла всю жизнь людей в то время, и о ней невозможно было забыть ни на минуту. Перед началом чистки состоялись кустовые партийные собрания, а затем в агитационно-пропагандистских целях в Смоленске создали несколько общегородских и окружных митингов партийных и общественных активистов. В помещении Зимнего театра, в залах кинотеатров «Палас» и «Пролеткино» выступили с речами руководящие партработники области и города. Были опубликованы статьи секретарей окружкомов ВКП(б). Затем представители обкома и окружкомов разъехались по местам.

Как всякая крупная кампания (а в парторганизации Западной области было тогда 32 тысячи членов партии и 11 тысяч кандидатов в члены партии), партчистка всколыхнула людей. Попутно проявилось многое другое. Чистку попытались использовать в своих целях кулаки. Из селения Детово поступило заявление, что такие-то три человека связаны с лесными бандитами. Проверка показала, что речь идет о честных членах партии, оклеветанных врагами. То же произошло в селе Уручье. Кулаки деревни Борисово, выдавая себя за бедняков, жаловались, что партийцы не пускают их в колхоз. В ряде мест было обнаружено много враждебных элементов, занимавшихся антисоветской агитацией. В одном из райисполкомов Великолукского округа ее систематически вели два бывших царских чиновника, полицейский, две купчихи, две помещицы и белый офицер. В Ржевском округе среди работников советского аппарата оказались в прошлом офицеры, купцы, служители церкви. Ряд комсомольских ячеек в Смоленском округе пришлось распустить как кулацкие по составу. Антисоветские гнезда были разворошены в учреждениях Сухигичского округа, какого-то исключительного в этом отношении; по нему числилось 14 тысяч лишенцев (лиц, лишенных избирательных прав), в том числе 300 бывших помещиков. При обкоме ВКП(б) была создана даже специальная комиссия по выселению бывших помещиков из пределов Западной области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.